

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. печ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 ноября.

СОДЕРЖАНИЕ: Программа 2 Съѣзда.—Результаты конкурса на солдатскія пьесы.—Тангейзеръ В. И. Кнорозовскаго. Разсадникъ талантовъ. А. Ростиславова. Музыкальныя замѣтки. Б. М. Соловьевъ.—Изъ Москвы Старика.—Хроника театра и искусства.—Письмо въ редакцію.—Каторжный театр (продолженіе). В. Дорошевича.—Поздняя осень (Разсказъ). Н. Н. Потапенко.—За границей.—Провинціальная лѣтопись.—Репертуаръ.—Списокъ разрѣшенныхъ пьесъ.—Объявленія.

№ 47.

Рисунки: «Сказка о царѣ Салтанѣ», «Бездна». А. Любимова.—Ф. П. Горевъ въ опереточныхъ роляхъ (2 р.).—«Филоктетъ» рис. С. Панова.—«Между дѣломъ», рис. А. Лева.—Тріо изъ «Вероники».—Въ торж. засѣданіи въ память Мочалова, рис. А. Ростиславова.

Портреты: † В. Л. Илькова, г-жѣ Лерминой и Строевой-Сокольской.

Приложеніе. Библиотека, выпускъ XI «Знакомые силуэты» (окончаніе) А. Биссона.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

52 №№ журнала (около 1000 страницъ).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библиотеки увеличиваемой въ объемъ и дополняемой отдѣломъ практическихъ указаній.

12 потныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по 2 р. въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Юня.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается. Съ годового подписчика книжные магазины могутъ удерживать въ свою пользу 25 коп. съ полугодого — 15 к.

О литературномъ матеріалѣ и о пьесахъ, имѣющихъ быть напечатанными въ 1901 г., будетъ объявлено особо.

Отъ редакціи.

Гг. сценическіе дѣятели, коихъ фамиліи начинаются съ буквы Д., приглашаются въ самое скорое время прислать біографическія о себѣ данныя. Пятый выпускъ Словаря обязательно выйдетъ въ декабрѣ.

С.-Петербургъ, 19 ноября.

Въ прошломъ № нашего журнала мы познакомили читателей съ программой вопросовъ, намѣченныхъ комиссіей по организациіи Второго Съѣзда сценическихъ дѣятелей. Изъ сравненія этой программы съ программой, предложенной обсужденію перваго Съѣзда, ясно видно, насколько двинулось впередъ изученіе вопросовъ театральной жизни. Программа перваго Съѣзда была составлена въ общихъ чертахъ. Ближайшая программа должна была выработаться и опредѣлиться на засѣданіяхъ самого Съѣзда. Работы Съѣзда, и тотъ оживленный обмѣнъ мнѣній, который установился въ средѣ сценическихъ дѣятелей послѣ Съѣзда, чрезвычайно расширили область, подлежащую изученію и требующую вниманія. За 4 года, истекшіе послѣ перваго Съѣзда, успѣло выдвинуться, кромѣ того, много новыхъ вопросовъ, которыхъ жизнь раньше почти не знала. Таковы, напр., вопросы о такъ называемыхъ общедоступныхъ театрахъ и театрахъ попечительства о народной трезвости, пользующихъ субсидіей отъ Министерства Финансовъ. Таковъ новый типъ смѣшанной професіонально любительской организациіи, распространившійся по всей Россіи. Любительскій платный театръ, дѣйствующій въ качествѣ постоянного учрежденія, представляетъ явленіе совершенно новое и ближайшимъ образомъ затрагивающее интересы сценическихъ дѣятелей. Вотъ новый экономическій факторъ, котораго совершенно не зналъ первый Съѣздъ сценическихъ дѣятелей.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ многое успѣло выясниться предъ сознаніемъ сценическихъ дѣятелей

многое что носилось въ туманѣ въ 1897 г., получило въ настоящее время совершенно опредѣленныя очертанія; многое, о чемъ въ то время боялись думать, какъ объ неосуществимыхъ химерахъ,— успѣло уже войти въ театральную практику и точно также, наоборотъ, многое, что, казалось, разрѣшалось однимъ росчеркомъ пера, явилось и химичнымъ, и неосуществимымъ. Вообще отъ второго Съѣзда можно ожидать много дѣльнаго и важнаго. Первый Съѣздъ былъ какъ-бы приговорительнымъ классомъ для актерскаго самосознанія, открывшимъ актерамъ элементарныя основанія грамоты. Съ этимъ запасомъ элементарныхъ свѣдѣній актеры не мало проработали за эти четыре года надъ своимъ саморазвитіемъ, и когда они теперь придутъ на Съѣздъ, они хорошо поймутъ чего хотятъ отъ нихъ и чего хотятъ они отъ другихъ.

Главнѣйшимъ дѣломъ предстоящаго Съѣзда являются, тѣмъ не менѣе, проекты новаго устава Театральнаго общества и Союза сценическихъ дѣятелей и если въ большей части вопросовъ сценическіе дѣятели зависятъ отъ другихъ, то здѣсь это всецѣло ихъ рукъ дѣло, и успѣхомъ или неуспѣхомъ реформъ они будутъ обязаны только себѣ. Здѣсь не нужно никакихъ ходатайствъ и не придвигается печальныхъ отклоненій ходатайствъ, какъ это случилось съ большинствомъ постановленій перваго Съѣзда. Слѣдовательно, если выйдетъ не то, что ожидается—кто же будетъ виноватъ, кромѣ самихъ сценическихъ дѣятелей? Поэтому мы думаемъ, что тотъ краткій сравнительно періодъ времени, который отдѣляетъ насъ отъ втораго Съѣзда сценическихъ дѣятелей, будетъ употребленъ актерами на внимательное и тщательное обсужденіе проектовъ уставовъ, давно разосланныхъ и давно извѣстныхъ, т. е. правильнѣе—долженствующихъ быть извѣстными. На-дняхъ нами было получено письмо въ редакцію отъ одного актера и въ этомъ письмѣ значилась, между прочимъ, такая фраза: «въ настоящее время, когда *существуетъ* Союзъ сценическихъ дѣятелей». Очевидно, многие не знаютъ даже того, что такого Союза не существуетъ, а существуетъ лишь проектъ устава. Эта фраза характерна еще въ другомъ отношеніи: она доказываетъ, что отъ Союза сценическихъ дѣятелей ожидаютъ борьбы съ безобразіями членовъ Союза, тогда какъ, по нашему мнѣнію, члены Союза должны быть таковы, чтобы среди нихъ не были возможны безобразія, по крайне мѣрѣ, слишкомъ явныя и грубыя.

Мы возвращаемся такимъ образомъ къ нашей старой темѣ, что союзъ не есть объединеніе всѣхъ, но объединеніе лучшихъ. Явные безобразники, ставъ членами Союза, въ лучшемъ случаѣ, станутъ тайными безобразниками, и тѣмъ самымъ лишатъ Союзъ того нравственнаго обаянія и престижа, которые должны обезпечить Союзу руководящую роль и сдѣлать его вліяніе во-истину благотворнымъ. Но вопросъ о Союзѣ и объ основахъ его организаціи послужитъ предметомъ особыхъ статей въ нашемъ журналѣ.

Возвращаясь къ программѣ вопросовъ Съѣзда, намѣченныхъ комиссіей по его организаціи, нельзя не обратить вниманія на значительное расширеніе вопросовъ оперно-музыкальнаго дѣла, весьма скудно разработаннаго на первомъ Съѣздѣ. По всей вѣроятности, спеціальныя вопросы оперно-музыкальнаго дѣла образуютъ спеціальную секцію, чего не было на первомъ Съѣздѣ.

Наконецъ, въ программѣ мы находимъ еще, такъ называемые, вѣчныя вопросы, которымъ суждено блуждать изъ одной программы въ другую, не на-

ходя себѣ практическаго разрѣшенія. Таковы, напр., вопросъ 12-й о цензѣ сценическихъ дѣятелей и рецензентовъ. Но польза возбужденія такихъ вопросовъ внѣ всякаго сомнѣнія. Есть рѣчи, которыя необходимо твердить какъ можно чаще для того, чтобы сохранить въ сознаніи истинную мѣру вещей. Возбуждать «чувства добрыя» и добрыя намѣренія есть также практическая задача и было-бы очень желательно, чтобы авторы докладовъ не ограничивали своихъ изслѣдованій областью, такъ называемой, жизненной практики и считались-бы не съ осуществимостью только, но и съ идеальными началами своихъ стремленій.

Отъ Редакціи.

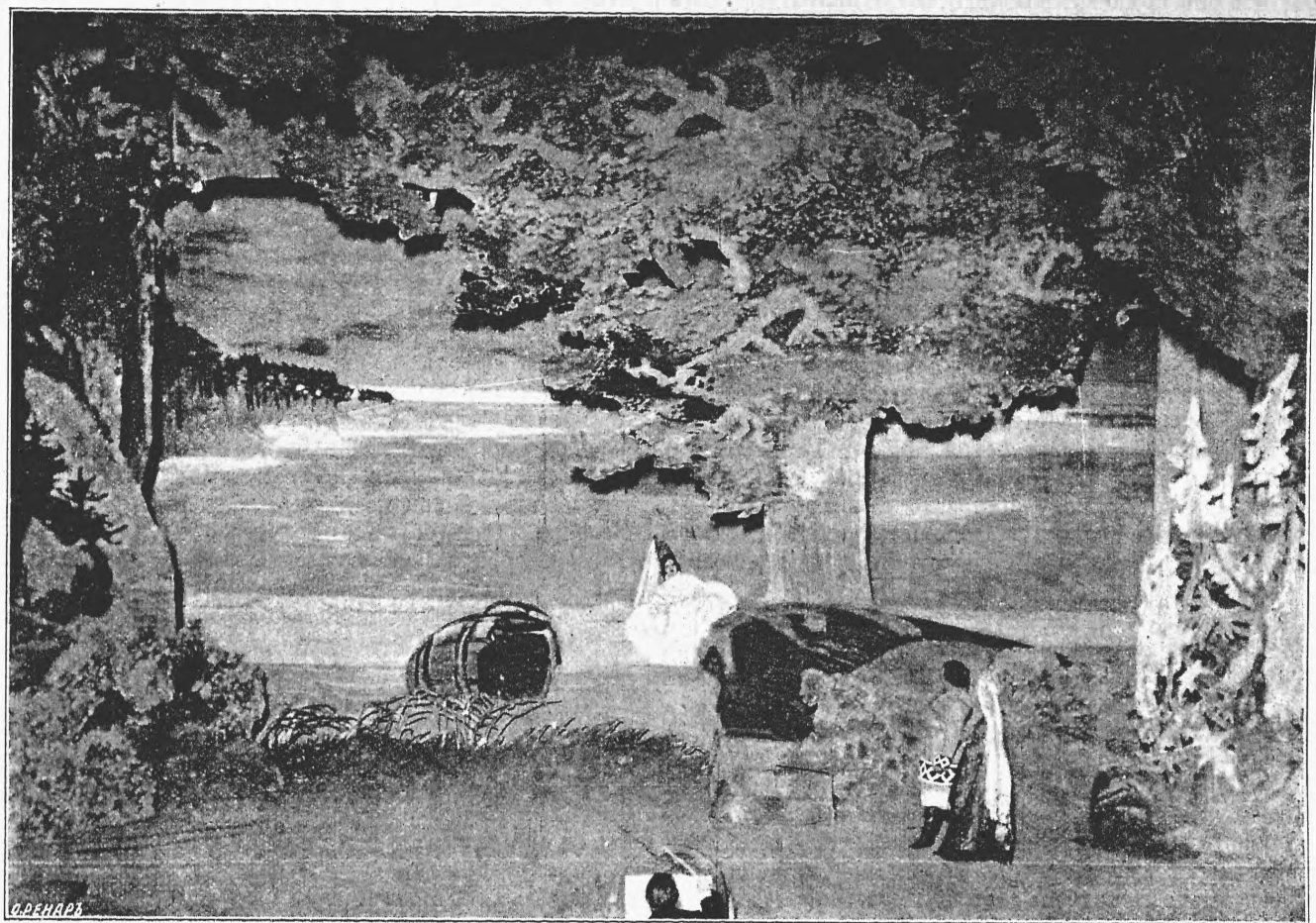
На объявленный нами конкурсъ соисканія преміи за лучшую пьесу для солдатскаго театра представлено было всего 8 пьесъ. Въ составъ жюри вошли ген.-майоръ В. К. Петерсенъ, Ив. Л. Щегловъ, Евт. П. Карповъ. По предварительномъ разсмотрѣніи пьесъ вниманіе остановилось на трехъ произведеніяхъ: 1) „На все воли Божія“ комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ девизомъ, „Вѣра Надежда и Любовь“. 2) „Служба Царская“, безъ девиза и 3) „Честь дороже денегъ“ подъ девизомъ „Душа сокровище тѣла, а жизненность пьесы“. При оцѣнкѣ каждой изъ этихъ пьесъ въ отдѣльности жюри приняло къ заключенію, что пьеса „На все воли Божія“ весьма удовлетворительна въ литературномъ отношеніи, но не удовлетворяетъ требованіямъ сценичности и задачамъ солдатскаго театра, пьеса „Служба Царская“, будучи весьма удовлетворительной въ смыслѣ поучительности для солдатъ представляетъ извѣстныя достоинства въ другихъ отношеніяхъ и, наконецъ, пьеса „Честь дороже денегъ“ удовлетворительна, какъ въ литературномъ отношеніи и сценическомъ, такъ и со стороны солдатской этики. Большинствомъ голосовъ премія въ 150 р. присуждена пьесѣ: „Честь дороже денегъ“. По вскрытіи конверта съ девизомъ, авторомъ пьесы оказался отставной капитанъ Николай Федоровичъ фонъ-Дингельштедтъ.

Тангейзеръ *).

V.

Когда разсудочность царитъ надъ творчествомъ, можно напередъ сказать, что непосредственное воспроизведеніе событія или чувства будетъ вытѣснено ихъ описаніемъ. У драматурга это выразится въ замѣнѣ дѣйствія *разсказомъ*, у композитора—въ преобладающей склонности къ *опиcательной* музыкѣ. Все произведеніе получитъ отпечатокъ *резонерства* и отъ образовъ повѣсть душевнымъ холодомъ. Композиторъ-резонеръ неспособенъ слиться душою съ чувствами, волнующими его дѣйствующихъ лицъ. Разсуждая тамъ, гдѣ нужно прочувствовать собственнымъ сердцемъ, онъ, по самому характеру своего творчества, стоитъ, какъ въ особомъ отъ изображаемаго имъ, и даже тогда, когда онъ рисуетъ внутренній міръ человека, съ его волненіями и страстями, онъ не воспроизводитъ душевныхъ движеній, а лишь ихъ описываетъ, т. е. изображаетъ только наружныя проявленія этихъ движеній. Такая объективность, замѣтимъ кстати, не имѣетъ ничего общаго съ истинно художественною объективностью, когда художникъ переживъ рисуемый имъ впечатлѣнія и претворивъ ихъ въ глубинѣ собственнаго духа, достигаетъ высочайшихъ вершинъ самосознанія, когда

*) См. №№ 25, 28, 32 и 41.

«Сказка о царѣ Салтанѣ», новая опера Римскаго-Корсакова.

предъ нимъ открывается роскошная панорама жизни, во всей причудливой пестротѣ и неисчерпаемомъ многообразіи ея проявленій. Даже его личное „я“, образу лишь составную часть этой жизни, предстаетъ предъ его духовными очами, какъ нѣчто, вѣдь его лежащее, и становится предметомъ художественнаго созерцанія, наравнѣ съ другими явленіями окружающаго міра. Объективность генія знаменуетъ глубочайшее *проникновеніе* въ сокровеннѣйшую сущность жизни, тогда какъ резонеръ не идетъ далѣе внѣшней оболочки явленія. Геній погружается на дно морское, чтобы повѣдать намъ чудеса подводнаго царства, резонеръ же судитъ о таинственной глубинѣ лишь по бѣглой легкой зыби, колышущей поверхность воды...

Объективность и описательный характеръ музыки—едва-ли не характернѣйшія черты разсудочной концепціи. Конечно, описательная музыка тоже имѣетъ право на существованіе. Умѣстно примѣняемая, она служитъ художественнымъ цѣлямъ не менѣе другихъ жанровъ. При широтѣ замысловъ и мастерствѣ музыкальнаго выраженія, можно и въ этой области наторить чудесъ. Но, внѣ сферы своего прямого назначенія, она влечетъ уже за собою мертвящую сухость и схоластическую отвлеченность. Равнымъ образомъ, и объективная музыка можетъ доставить эстетическое наслажденіе, съ точки зрѣнія внѣшней красоты. Но она безусловно непригодна для изображенія психической жизни. Міръ душевныхъ движеній ей недоступенъ. Голосъ сердца, трепетъ страсти, радость наслажденія, судорога страданій, взрывы гнѣва, муки сомнѣнія, восторгъ блаженства, изступленіе ярости,—словомъ всѣ тѣ могучія вспышки души, которыя охватываютъ все наше существо, насъ волнуютъ и томятъ съ непобѣдимою силою порыва—

никогда не найдутъ отклика въ ея холодныхъ и безстрастныхъ звукахъ. Музыка духа и объективная музыка—двѣ стлхи непримиримыя, какъ огонь и вода.

У Вагнера эти два качества—объективность и описательный характеръ музыки—сказались ярко и рельефно. Резюмируя въ своемъ лицѣ весь техническій прогрессъ, котораго достигла въ его время музыка, вообще, и инструментальная, въ особенности; владея музыкальною рѣчью съ совершенствомъ и свободой, доступными лишь великимъ мастерамъ искусства; питая, по глубинѣ своей натуры, влеченіе къ грандіознымъ построеніямъ и сложнымъ задачамъ,—Вагнеръ нашелъ свое естественное призваніе въ описательной музыкѣ. Въ этой области онъ, дѣйствительно, великъ, и такіе перлы, какъ, напримѣръ, Walkürenritt, Feuerzauber и Waldweben останутся навсегда неувядаемыми образцами описательной музыки. Но, вѣрный своимъ описательнымъ стремленіямъ, Вагнеръ залася мыслью особенности своеобразнаго жанра возвести въ универсальное начало музыки. У него все сводилось къ звукоподражанію. Передразнивать явленіе звуками, имитировать чувство внѣшнимъ сходствомъ созвучій, перевести понятія на языкъ звуко-сочетаній—стало для него главною цѣлью и единственнымъ назначеніемъ музыкальнаго искусства. Внѣ идейнаго содержанія; съ котораго можно было-бы явленія, чувства и понятія перелгать на языкъ звуковъ,—музыка утратила въ его глазахъ смыслъ. Но, подчинитъ музыку тексту или программѣ, какъ господствующему началу, значитъ подписывать ей смертный приговоръ. Лишенная самостоятельности, она перестаетъ быть своеобразнымъ видомъ искусства; имѣющимъ свой собственный объектъ для изображенія, свои особые выразительныя средства, свои спеціальныя условія, границы и природу. Любопыт-

но, что всѣ композиторы, тяготѣвшіе свойствами своего таланта къ описательной музыкѣ, были, въ то же время, яркими приверженцами программной музыки музыкальной декламации.

Имитировать чувства музыкальнымъ образомъ, конечно, возможно. Соотвѣтствующимъ подборомъ ритмовъ, темповъ, тембровъ, звучностей и прочихъ музыкальных элементовъ можно, до известной степени, создать иллюзію чувства. Но такое изображеніе будетъ неизбежно страдать недостатками, присущими всякой поддѣлкѣ. Истиннаго чувства, искренняго порыва, ощущеній задушевныхъ и неподдѣльныхъ не будетъ, несмотря ни на какую изобрѣтательность, ни на какое вѣншее мастерство, ни на какую яркость изображенія. При всемъ совершенствѣ, будетъ, однако, недоставать того подъема души, который вибраціями передается отъ сердца къ сердцу, намагничиваетъ все наше внутреннее существо и устанавливаетъ между композиторомъ и слушателемъ какую то поработавшую общность симпатій. Этого недостатка не чужды у Вагнера даже лучшія описанія чувствъ.

Возьмемъ хотя бы для примѣра мотивъ любви въ „Валькири“ (актъ 1, сцена 1-ая). Можно положительно сказать, что не только во всей тетралогіи Вагнера, но даже во всей оперной литературѣ едва ли найдется *симфоническій эпизодъ*, равный ему по красотѣ и благородству замысла. И при всемъ томъ, этотъ мотивъ любви оставляетъ насъ холодными, не вызываетъ того смятенія души, которое производитъ въ насъ сердечная музыка, не затрагиваетъ нашихъ сердечныхъ струнъ. Этотъ мотивъ напоминаетъ прекрасную, но холодную статую Пигмаліона, которая ждетъ страстнаго паюса художника, чтобы ожить и затрепетать въ сладостномъ томленіи любви. Еще нагляднѣе, можетъ быть, обрисуетъ объективный характеръ вагнеровской музыки, если сравнить музыкальное изображеніе одного и того же чувства у Вагнера и у другихъ композиторовъ. Въ этомъ отношеніи поучительно сопоставить похоронный маршъ Вагнера (на смерть Зигфрида изъ муз. драмы „*Rötterdämmerung*“) съ такими же маршами у Бетховена (въ „*Eroica*“ или въ 12-ой сонатѣ, ор. 26), Шопена и Мендельсона („пѣсни безъ словъ“, № 27). Титанъ Бетховенъ, конечно, изобразилъ свое внутреннее отношеніе къ великому таинству смерти иначе, чѣмъ нѣжно-меланхолическій Шопенъ или радостно-мечтательный Мендельсонъ. Но, при всемъ различіи темпераментовъ и талантовъ, въ похоронныхъ звукахъ этихъ трехъ композиторовъ слышатся рыданія потрясенной невыразимымъ горемъ души, тогда какъ Вагнеръ не идетъ далѣе воспроизведенія *внѣшней обстановки* похоронъ. Съ блескомъ и величавостью стиля, присущими Вагнеру въ описательной сферѣ, изображаетъ онъ печальное шествіе съ его тихую торжественностью, но о надрывающихъ душу звукахъ тоски, отчаянія, скорби, какъ у названныхъ трехъ композиторовъ, нѣтъ и помину. Его похоронный маршъ можно сравнить съ прекрасною женщиною, облеченною въ глубокій трауръ, но безъ всякой скорби въ сердцѣ. Какое намъ, однако, дѣло до ея изящно-мрачнаго наряда, когда этотъ виѣшній символъ печали не гармонируетъ съ дѣйствительнымъ настроеніемъ ея бузучастно-холодной души?.. И такъ всегда у Вагнера: душевный строй замѣняется описаніемъ виѣшней обстановки. Лишь изрѣдка обрисовываются смутныя контуры настроенія, да и то лишь по-стольку, поскольку это доступно средствамъ описательной музыки.

Но пригодна-ли объективная музыка для драмы? Вся сущность драмы сводится къ развитію чувства или страсти. Мыслимо-ли съ драмою сочетать му-

зыку, неспособную выражать душевныя движенія? Конечно, нѣтъ, и здѣсь мы касаемся самаго больного мѣста Вагнера. Для того, чтобы создать истинную музыкальную драму, у Вагнера не хватало главного—истиннаго драматизма въ музыкѣ—и этого недостатка не могли восполнить его богатства, въ другихъ отношеніяхъ, данныя. Вотъ почему, избранныя мѣста изъ вагнеровскихъ оперъ, преимущественно описательнаго жанра, слушаются съ наслажденіемъ, тогда какъ прослушать вагнеровскія оперы сплошь (за исключеніемъ „Лоэнгринъ“) представляетъ испытаніе, которое требуетъ соотвѣтственной тренировки.

Нашъ выводъ, конечно, не понравится слѣпымъ поклонникамъ Вагнера. Есть люди, которые никакъ не могутъ отличить истину отъ поддѣлки. Довольствуясь суррогатомъ, они и не подозреваютъ о существованіи истиннаго продукта. Къ сожалѣнію, такихъ лицъ больше всего между комментаторами Вагнера. Оттого, надо полагать, и литература о Вагнерѣ разрослась до неимоверныхъ предѣловъ. Много званыхъ, но мало избранныхъ. Что прикажете подѣлать съ такими цѣнителями и знатоками искусства? Для нихъ, напримѣръ, „Тристанъ и Изольда“ — высшее выраженіе любовной страсти. Спорить съ ними бесполезно. Достаточно лишь указать, что это тѣ самые „критики“, которые въ символизации отвлеченныхъ идей усматриваютъ высшій признакъ художественности. Это они съ изступленіемъ факировъ стучаются лбами предъ вагнеровскими теоріями „лейтмотива“, безконечной мелодіи и тому подобными „кунстштюками“ вагнеровскаго стиля, въ которыхъ такъ много искусственности и такъ мало искусства. Это они съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, копошатся въ твореніяхъ Вагнера, выискивая тамъ глубокомысленныя философскія идеи, какъ будто достоинство художественнаго произведенія зависитъ отъ того, какая философская идея положена въ его основаніе. Имъ въ назиданіе нелишне было-бы привести золотыя слова Гёте, — поэта не только геніальнаго, но и глубокомысленнаго:

„Удивительные люди—нѣмцы! Своими глубокими мыслями и идеями, которыя они повсюду разыскиваютъ и во все вносятъ, они дѣлаютъ жизнь для себя болѣе трудною, чѣмъ слѣдуетъ. Нѣмцы же, наконецъ, хоть разъ храбрость отдаться впечатлѣніямъ, позволить потѣшиться себя, тронуть, возвысить, наконецъ, и воспламенить, воодушевить къ чему-либо великому. Только не думайте, что все было-бы ничтожно, если-бы не существовало какой-либо отвлеченной мысли и идеи!“

„Ко мнѣ все пристають съ вопросомъ, какую идею пытался я воплотить въ своемъ „Фаустѣ“? Какъ будто самъ я знаю это и могу сказать!.. Да это было бы, въ самомъ дѣлѣ, недурно, если-бы я вздумалъ на тонкую нить какой-то проходящей чрезъ все произведеніе идеи нанизать такую богатую, пеструю и такую въ высшей степени разнообразную жизнь, какую я изобразилъ въ „Фаустѣ“.“

„Вообще, было не въ моемъ характерѣ, какъ поэтъ, стремиться къ воплощенію чего-либо отвлеченнаго. Я воспринималъ впечатлѣнія, и при томъ впечатлѣнія самаго разнообразнаго свойства, чувственныя, полныя жизни, любви, пестрыя, какія только мнѣ создавало живое воображеніе; затѣмъ, мнѣ, какъ поэту, эти наблюденія и впечатлѣнія приходилось только художественно округлять и перерабатывать въ себѣ и показать такъ, чтобы другіе, читая или слушая изображенное мною, получали то-же самое впечатлѣніе“.

Точно также на вопросъ, какую идею хотѣлъ Гёте выразить въ „Тассо“, великій поэтъ отвѣтилъ:

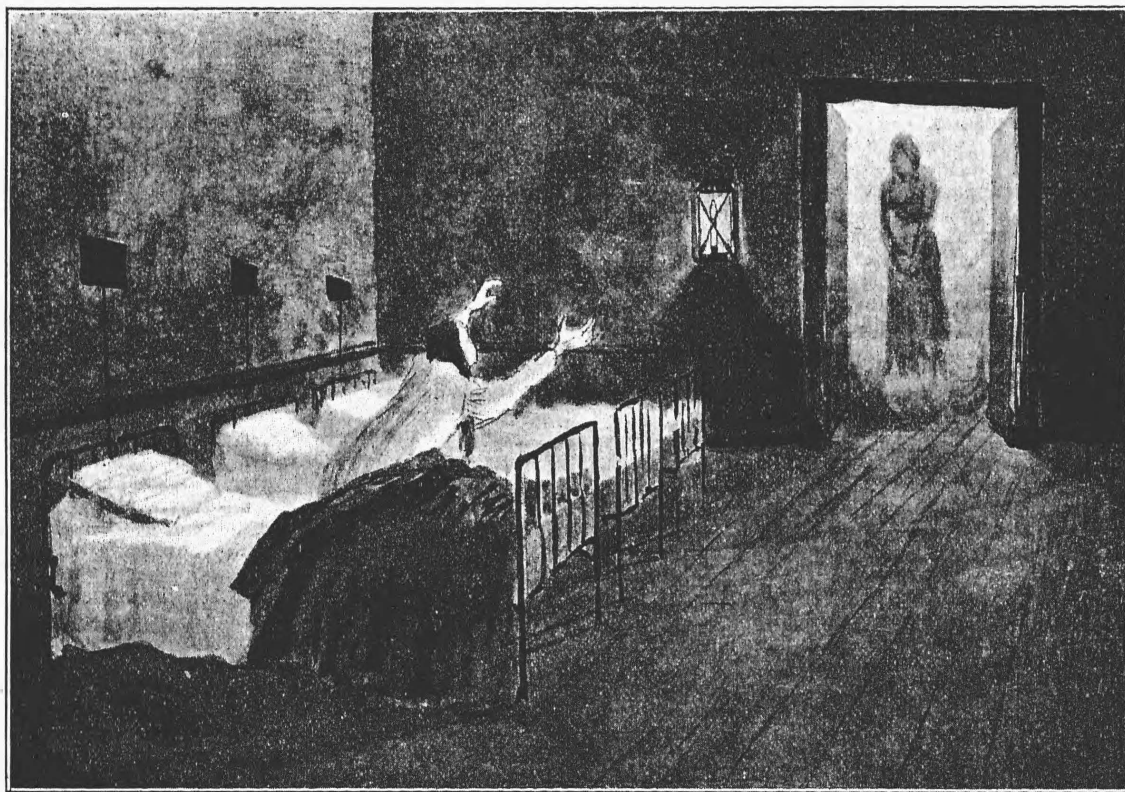
„Идею? Да я объ этомъ и не думалъ“!

Какой глубокий смыслъ сокрытъ въ этихъ словахъ гениальнаго поэта и мыслителя и какъ хорошо было-бы, если-бы панегиристы Вагнера могли проникнуться ихъ мудрымъ значеніемъ! Но, видно, легче находить идеи тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, чѣмъ чувствовать живой трепетъ художественной правды, и легче развивать глубокомысленнѣйшія теории, чѣмъ отдаться непосредственному созерцанію истинно прекраснаго. Да толку-то что въ этомъ?.. Съ сердцами, замкнутыми для воспріятія художественныхъ впечатлѣній, въ вопросахъ искусства далеко не уѣдешь, и самая грузная ученость неспособна замѣнить вѣщее чувство красоты.

И. Кнорозовскій.

жательности, то скороспѣлаго мастерства, вѣрнѣ поддѣлки подѣ мастерство? Я отнюдь не хочу сказать, чтобы между учениками было мало людей талантливыхъ, да и кто вообще рѣшится произносить безапелляціонные приговоры о талантахъ начинающихъ художниковъ? Можно было бы назвать не мало талантливыхъ и уже извѣстныхъ художниковъ, недавнихъ учениковъ Академіи; безспорно, есть несомнѣнные дарованія и среди настоящихъ ея конкурентовъ и учениковъ мастерскихъ и общаго натурнаго класса. Не называя пока конкурентовъ, укажу напр., на работы г. Рѣпина (сына профессора)—прекрасные, сильные и оригинальные рисунки и этюды съ натурщика и очень интересный своеобразный и жизненный эскизъ, изображающій спускъ къ рѣкѣ весной, въ которыхъ чувствуется оригинальная талантливость, укажу на хорошія нѣрѣдко талантливыя и умѣлыя работы учениковъ проф. Рѣпина г.г. Куликова, Вещилова, Вучури, Хейлика и особенно Кустодѣва, портретъ старушки котораго, правда, слабый по рисунку, написанъ такъ интересно съ такимъ

«ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ».

«Бездна», драм. этюдъ Б. Бентовина. (Саша — г-жа Шабельская).

Рис. А. Любимова.

Разсадникъ талантовъ.

Невольно, прогуливаясь по заламъ Академіи, гдѣ въ настоящее время выставлены безчисленные конкурсные, приватныя и классныя работы ея учениковъ, задаешься вопросомъ, что собственно хочетъ отъ нихъ Академія, каковы требованія, задачи ея преслѣдованія. Вѣдь, казалось-бы, кому, какъ не крупнымъ знаменитымъ художникамъ, стоящимъ во главѣ ея, глубоко понимать и чувствовать искусство, понимать законность его вѣчной эволюціи, старательно выискивать и очищать драгоценныя зерна того свѣжаго и новаго, что вѣчно вносится въ сокровищницу искусства; казалось бы, что ужъ они то въ состояніи отрѣшиться отъ своихъ личныхъ симпатій, направленій и оцѣнить, поддержать истинную талантливость, подѣ какимъ бы наноснымъ слоемъ она ни проявлялась, что именно ихъ требованія должны стоять на высотѣ истиннаго искусства, что ихъ преподаваніе и руководство должны дать богатые плоды. Отчего же съ каждымъ годомъ ученическія выставки нашей высшей художественной школы производить все болѣе и болѣе грустное и странное впечатлѣніе? Отчего на большинствѣ работъ, особенно настоящей выставки печать то какой-то преждевременной старости, преждевременнаго успокоенія, то лвяной подра-

вкусомъ; на многочисленные пейзажные этюды очень похожихъ другъ на друга г.г. Теснера и Фокина, гдѣ, особенно въ зимнихъ пейзажахъ Фокина, такъ много вѣрнаго тона, даже настроенія, хотя и не безъ заимствованій у Левитана, на очень талантливый эскизъ ученика скульптурной мастерской г. Стеллецкаго, изображающій трехъ нимфъ, испугавшихся уroda фавна. Блестки дарованія разсыпаны можетъ быть и во многихъ другихъ работахъ, но гдѣ то исканіе, та любовь къ формѣ, то пониманіе ея, то страстное напряженное желаніе овладѣть ею, которыхъ прежде всего и больше всего должны сказываться въ ученическихъ работахъ? И очевидно, все значеніе формы въ широкомъ смыслѣ не выясняется ученикамъ ихъ преподавателями, уровень требованій которыхъ въ этомъ отношеніи, повидимому, не высокъ. Ибо въ противномъ случаѣ малочисленные рисунки натурнаго класса не были-бы такъ жеваны и шаблонны, въ богатыхъ количествомъ, но бѣдныхъ качествомъ работахъ учениковъ мастерскихъ, т. е. готовящихся къ выпуску художниковъ, не преобладали бы неумѣлыя потуги на портреты и картины, вмѣсто такъ необходимыхъ самыхъ строгихъ и разностороннихъ студій съ натуры. Особенно во многихъ конкурсныхъ работахъ, этимъ мѣриломъ школы, сказывается отсутствіе знанія, умѣнья; нѣкоторыя изъ нихъ, лишеныя живости, серьезнаго рисунка казалось бы не могли быть премированными званіемъ. Укажу, напр., на картины изъ мастерской проф.

Маковского: „Стеклопный заводъ“, гдѣ въ деталяхъ головки, фигуръ такіе ужасные рисунки, живопись, „На судъ профессора“ съ ея смутной живописью и рисункомъ, „Праздникъ въ Бессарабіи“, „Невѣсту“, эту довольно ловкую фальсификацію подъ „выработанную“ живопись; изъ мастерской проф. Ковалевскаго: „Переселенцы“, скучный, лишеныя воздуха, какія-то старческие—„Письмо съ войны“ и „Воскресный день въ Малороссіи“, изъ мастерской проф. Рѣпина: „Саломея, дочь Иродіады“, это забавное произведение, переносящее насъ цѣлкомъ въ блаженную эпоху старой Академіи, когда въ конкурсныхъ картинахъ на заданныя темы „по исторической живописи“ фигурировали скверно нарисованные академическіе патуришки, „Баянъ“, „Изъ мира отверженныхъ“ и особенно конечно „Не въ пору гости“ (не премированная); изъ мастерской проф. Киселева: ужасныя, олеографическія „На болотѣ“, „Весной“ и другія того-же автора безъ признаковъ чутка тона, неприятныя, точно поддѣльныя то подъ Клевера—„Лѣсъ“, гдѣ не сумерки, а самая обыкновенная чернота, подъ Мещерскаго—„Утро“, то подъ самого проф. Киселева—„Утро въ Закавказьѣ“. Если исключить мастерскую профессора Рѣпина, то съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе чувствуется извѣстная тенденціозность преподаванія, стремленіе заставить работать учениковъ въ извѣстномъ иногда узко-ограниченномъ смыслѣ, съ годомъ обновленная Академія все болѣе и болѣе сближается съ „дореформенной“. На настоящей выставкѣ напередъ визитомъ большинства конкурсныхъ работъ выставленныхъ въ залахъ на право (учениковъ профессоровъ Маков Ковнинскаго и Киселева), какъ и въ доброе старое время можно было бы выставить „слушаюсь“ и „чего позволите“. Все болѣе и болѣе замѣтное стремленіе нѣкоторыхъ учениковъ угождать и постараться, удивительно беззастыдливыя и даже вредныя въ учебномъ смыслѣ упражненія учениковъ въ мастерской проф. Маковского, фабрикуются и поддѣлываются во вкусѣ профессора какіе-то жанры съ живыхъ картинъ, поставленныхъ профессоромъ, и особенно конечно странный выборъ учениковъ, отправляемыхъ за границу, при которомъ послушаніе перѣдко предпочитается талантливости, наводить на очень грустные размышленія. Конечно, нѣтъ особѣ такъ сказать, въ добротѣ Академіи, въ томъ, она довольно щедро раздаетъ званія, ибо званіе въ искусствѣ въ дѣятельности художника—звукъ пустой. Оно поощреніе талантливыхъ, утѣшеніе посредственныхъ не можетъ быть, и любящихъ, и понимающихъ не и потому уже полезныхъ. Въ худшемъ случаѣ отъ пед. раздачи званій можетъ пострадать репутация самой Академіи. Но присужденіе высшей награды—отправленіе казенный счетъ за границу—уже не шутка, не звукъ пустой, ибо въ этомъ присужденіи до павѣстной ст. участъ не только молодыхъ талантовъ, а и будущаго нашего искусства. Надо ли доказывать, какое огромное всестороннее образовательное значеніе для молодыхъ художниковъ имѣетъ это путешествіе за границу, какъ поэтъ долженъ быть осмотрителемъ, строгъ и серьезенъ выборъ пансіонеровъ, которыми казалось-бы а priori до быть выдающиеся по талантливости. Съ другой стороны именно въ этомъ выборѣ сказывается и выясняется взглядъ самой Академіи, какъ высшей школы, на задъ искусства и его преподаванія, этимъ выборомъ она какъ-бы подчеркиваетъ, къ чему прежде всего и больше всего должны стремиться художники, ея ученики, въ чемъ ея мѣлкая сущность искусства. Какое-бы значеніе придавалось школѣ, выучкѣ, познаніямъ въ искусствѣ банальная, но вѣчная истина будетъ все-таки о талантѣ, жизнь искусства прежде всего въ талантѣ, пусть даже недисциплинированныхъ, можно направленныхъ, недоразвитыхъ. Талантъ—драгоценный камень, котораго не сдѣлаешь, а оправа къ нему можетъ быть и сдѣлана и передѣлана. Дыханіе таланта могуче, и замѣтно, хотя бы онъ и шелъ къ ложному пути. Могутъ ли не чувствовать его знаменитые художники, стоящіе во главѣ нашей школы, можно ли допустить, чтобы они сознательно предпочитали яркому самородному блеску таланта тусклую отполированную послушную, дисциплинированную посредственность? А между тѣмъ уже на первый годъ сказывается это предпочтеніе, замѣчается какая-то удивительная предвѣренная несправедливость въ присужденіи высшей награды—отправленія за границу. Въ прошломъ году Академіей не былъ отправленъ за границу, а едва удостоенъ званія г. Малаяина, самый блестящій по таланту изъ всѣхъ учениковъ послѣднихъ выпусковъ. Всемирное жюри Парижской выставки не согласилось съ нашей Академіей, оно премировало почти отвергнутую Академіей и осмѣянную нашей публикой картину г. Малаяина высшей наградой—золотой медалью. У насъ какъ-то мало говорить и мало придавать значенія этому факту. А вѣдь это былъ публичный экзаменъ, на которомъ всемірно провалились и наша Академія, и наша публика, на кото-

ромъ такъ ярко сказались ихъ компетентность въ пониманіи и оцѣнкѣ талантовъ. На настоящимъ конкурсѣ произошло почти то же самое, что и на прошлогоднемъ.

Изъ двухъ намѣченныхъ къ отправленію за границу учениковъ по отдѣлу живописи ничего нельзя имѣть противъ отправленія ученика проф. Рѣпина г. Мурашко, хотя типа его „Похороны конюшого“ вещь не вполнѣ выдержанная, особенно въ первоначальныхъ фигурахъ, до извѣстной степени подражательная, но съ хорошими подробностями, въ которыхъ сказывается уже мастеръ. Г. Мурашко и ранѣе заявилъ себя хорошими портретами, мастерскими по исполненію и талантливыми. По какъ объяснить отправленіе за границу ученика проф. Маковского автора очень слабой картины „Невѣста“? Какой рокъ тяготѣетъ вообще надъ Академіей, заставляя ее чуть ежегодно отправлять за границу непременно одного изъ учениковъ проф. Маковского, независимо отъ того, есть ли между ними талантливые и достойные? Что можетъ усмотрѣть совѣтъ Академіи въ отполированной картинѣ „Невѣста“, кроме несомнѣннаго трудолюбія, несомнѣнной аккуратности, несомнѣннаго подражанія произведеніямъ г. В. Маковского, кроме слабаго боньбоньерочнаго рисунка въ деталяхъ головки и кистей рукъ и какой-то атласной живописи, ибо всѣ аккуратно подробно и механически, какъ въ фотографіи выполненныя детали этой картины—какъ бы сдѣланы изъ атласа? Какъ будто въ дѣлѣ искусства аккуратность, прилежаніе и послушаніе самыя цѣнныя качества! Вѣдь среди непрмированныхъ конкурентовъ есть художники несравненно болѣе даровитые и даже умѣнныя. Назову напр. г. Свѣтлицкаго и Бобровскаго. Пусть картина перваго „Мелодія“ слаба по рисунку, пусть картина втораго „Вечеромъ“ не выдержана, съ очень неудачной и по рисунку и по живописи первоначальной фигурой, но и въ той и въ другой очень хороша, интересна, мѣстами мастерская живопись, причемъ въ картинѣ г. Свѣтлицкаго настроеніе настоящаго художественнаго произведенія, а въ картинѣ г. Бобровскаго такіе прелестныя живописныя подробности, какъ фигура дѣвочки сидищей спиной, какъ кусочекъ пейзажа, видный въ открытую дверь, какъ прекрасно переданный общій тонъ сумерекъ въ комнатѣ. Картина г-жи Блонской „Дѣвочки“, несмотря на кричащій диссонансъ грубаго красочнаго неба, несомнѣнно тоже талантливое и художественное произведеніе съ очень интересными мѣстами подробностями (напр. стѣна съ фреской и фигуры около нея). Но особенно обидно за непрмированныхъ, очень даровитыхъ гравировъ г. Герардова и г-жу Остроумову. Работы ихъ несомнѣнно самыя интересныя и талантливыя на всей выставкѣ: такъ много въ нихъ вкуса, умѣнья, свободнаго мастерства; за то послушаніе, умѣренность и аккуратность, тѣмъ болѣе подражаніе своему профессору въ ихъ дѣйствительно не сказываются. Сколько же горечи, сколько обиды должно вносить въ души сильныхъ и понимающихъ учениковъ, сколько разочарующаго соблазна въ души слабыхъ и мѣлкихъ чуткихъ это странное и явно несправедливое въ сферѣ искусства предпочтеніе, оказываемое не таланту, а почтеннымъ буржуазнымъ добродѣтелямъ! Но, можетъ быть, совѣтъ Академіи искренно считаетъ гг. Малаяина, Герардова и пр. заблудшими, пошедшими по ложному пути художниками, можетъ быть, онъ желаетъ подчеркнуть значеніе школы, спасти молодыхъ художниковъ отъ вредныхъ увлеченій. Да вѣдь Академія прежде всего художественное, а не судебное или полицейское учрежденіе; ея функція—не „пресѣкать“, а старательно оберегать таланты, расчищая имъ путь. Талантъ—такой рѣдкій, но и такой хрупкій даръ, тѣмъ болѣе надо дорожить имъ, оберегать его. Если онъ заблуждается, старайтесь всѣми силами спасти его отъ заблужденія, направьте его на истинный путь—ужаживайте за нимъ, а не тыкайте ему въ глаза послушными посредственностями. А что можетъ скорѣе всего излѣчить заблудшій талантъ, дать ему серьезное направленіе, какъ не широкое и разностороннее знакомство съ современнымъ и прошлымъ европейскимъ искусствомъ? Вѣдь поѣздка за границу является именно для него почти хлѣбомъ пасуцнымъ. Впрочемъ, можетъ быть и все современное европейское искусство заражено и идетъ по фальшивой дорогѣ, какъ думаютъ и говорятъ нѣкоторые наши художники и престарѣлые эстетика? Можетъ быть оно не въ состояніи исправить и только еще болѣе заразить нашихъ заблудшихъ художниковъ? Можетъ быть, только именно отправленные пансіонеры школы проф. В. Маковского въ состояніи противостоять заразѣ? Можетъ быть истинное искусство только и процвѣтаетъ на почвѣ русскаго передвижничества? Можетъ быть только и свѣтъ въ искусствѣ, что въ мастерскихъ гг. профессоровъ В. Маковского, Матѣ и Киселева?

А. Ростиславовъ.

Ф. П. Горевъ въ опереточныхъ роляхъ.
(Изъ коллекции московскаго театра).

Музыкальныя замѣтки.

Концертъ молодого пианиста Эмиля Боске, лауреата конкурса имени А. Г. Рубинштейна, привлекъ многочисленную публику. Материальный успѣхъ концерта, однако, совершенно не гармонировалъ съ артистическимъ. Пианистъ не произвелъ впечатлѣнія, не захватилъ свою публику, а скорѣе всего удивилъ ее, что на такомъ важномъ и исключительномъ конкурсѣ какъ Рубинштейновскій, вѣнчаютъ лаврами такихъ посредственныхъ и заурядныхъ пианистовъ. Удивилась, вѣроятно, публика и тому, что администрація Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества приглашаетъ такихъ ученически-незрѣлыхъ пианистовъ къ участию въ симфоническихъ вечерахъ, да еще экстренныхъ, посвященныхъ памяти Рубинштейна. Если ужъ администрація такъ хочется преподнести публикѣ ученическое безцвѣтное исполненіе, то почему бы ей не обратиться въ нѣдра самой консерваторіи.

Игра г. Боске въ самостоятельномъ концертѣ очень малымъ отличалась отъ игры въ симфоническомъ собраніи. Слушать г. Боске въ теченіе добрыхъ трехъ часовъ было положительно скучно. Совершенно напрасно было мое стараніе подмѣтить въ немъ любовь, пониманіе, наконецъ, юношескій восторгъ при исполненіи какого-либо изъ авторовъ, поставленныхъ имъ на программу. Ничего. Совершеннѣйшій аристонъ, безжизненный и технически вполне исправный.

Я, впрочемъ, не претендую на то, что съ успѣхомъ проникъ въ нѣдра психи г. Боске и высмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ. Быть можетъ, пианистъ таитъ въ себѣ цѣлый вулканъ страсти. Очень буду радъ за него. Но пока этотъ вулканъ основательно закупоренъ. Успѣха пианистъ не имѣлъ. Публика воздерживалась отъ поощрительныхъ вазгласовъ и была права.

Программа была не по плечу г. Боске. Варіаціи на тему Генделя—Брамса, соната (ор. 110), Бетховена, Этюды Шумана, Карнаваль Листа! Мой Богъ! Легко все это выставить на афишку, да не такъ легко передать въ звукахъ.

Изъ всего сыграннаго хорошее впечатлѣніе произвелъ этюдъ въ терціяхъ—Сенъ-Санса. Пианистъ показалъ имъ, что у него солидная школа и богатая техника. Но... этого, вѣдь, мало!

Г. Мейеръ-Гельмундъ устроилъ въ залѣ кредитнаго Общества L'derabend изъ своихъ произведеній, до нѣкоторой степени популярныхъ среди петербургскихъ пѣвцовъ-диллетантовъ, нѣмцевъ въ особенности. Диллетанты—въ сущности, весьма выгодная публика для композиторовъ. Во-первыхъ, это громадный легіонъ. Чтобы удовлетворить его потребности издатель долженъ выпустить десятка два изданія, да держать про

запасъ третій. «La prière d'une vierge Les cloches d'un monastère» разительные сему примѣры. Во-вторыхъ, дѣлать дѣла съ диллетантами гораздо проще. Если авторъ хочетъ удивить заправскихъ музыкантовъ, то ему приходится изрядно ломать голову и тратить много времени. Этому подай контрапунктъ и такой и этакій, этому, упаси Боже, беспокоить уши уменьшеннымъ сентъ-аккордомъ, овому то, овому се... угодить трудно. А главное, эти несносные господа непременно начинаютъ разсматривать самую сердцевину и придираются и справа, и слѣва, и спереди, и сзади. То ли дѣло диллетанты! Препокладистый народъ! Ему рѣшительно никакого нѣтъ дѣла до подробностей. Отъ романа онъ требуетъ: чтобы былъ сердце-щипательнымъ, не выше фа, ибо далѣе любители имѣютъ обыкновеніе выпускать изъ горла пѣтуховъ, и чтобы гармонизація была безъ хитростей.

Г-нъ Мейеръ-Гельмундъ во многомъ удовлетворяетъ свою публику, въ особенности въ своихъ первыхъ опусахъ, когда онъ еще не набрался храбрости писать оперы и возиться съ оркестровыми партитурами.

Мелодія романсовъ г. Мейера-Гельмунда незатѣйлива, въ этомъ ея качество, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слащава и частенько банальна—въ этомъ ея недостатокъ. Въ большинствѣ случаевъ гармонизируетъ авторъ просто и пожалуй, черезъ-чуръ уже просто. Когда же онъ старается напустить серьезность, то онъ дѣлается скученъ и притомъ выказываетъ весьма мало разнообразія въ приемахъ модуляцій, довольствуясь весьма примитивными способами.

Въ области романсовъ г. Мейера-Гельмунда не представляютъ изъ себя ничего выдающагося и интереснаго въ музыкальномъ отношеніи. Между ними попадаются недуренькія вещицы, написанныя съ настроеніемъ и слѣданныя со вкусомъ. Но на ряду съ ними есть и весьма слабые экземпляры творчества г. Мейера-Гельмунда. Исполнялъ романсы г. Н. Горскій, пѣвецъ съ свое время подвизавшійся на сценѣ Аркадіи. Теноръ г. Горскаго не первой свѣжести, но пѣвецъ владѣетъ имъ умѣло.

Въ исполненіи романсовъ г. Горскій, вѣроятно, слѣдовалъ указаніямъ автора. И надо отдать ему справедливость—указанія его довольно таки безвкусны. Давать во всѣхъ романсахъ, а ихъ было штукъ двадцать,—неизмѣнныя portamento съ завываніемъ, рѣзкія смѣны forte на sotto voce и филирование звука весьма неосторожно. Это можетъ набить оскомину и отвести публику отъ романсовъ г. Мейера-Гельмунда. Народу было много. На цыганскихъ концертахъ публики бываетъ тоже много.

Б. М. Соловьевъ.

Изъ Москвы.

Бенефисъ г. Правдина включилъ въ обнищавшій репертуаръ Малаго театра «Отжитое время» Сухово-Кобылина. Давно пора. «Отжитое время» — это заглавие больше по независящему обстоятельству и постороннимъ соображениямъ. Флагъ, подъ которымъ только и могла проникнуть на сцену безпощадно злая комедія-сатира Безъ «Отжитого времени» гнить-бы «Дѣду» въ пыли театральнаго архива и дразнить прелестью запретнаго плода. О, конечно, все, что съ такимъ душевнымъ надрывомъ, исходя слезами и желчью, разсказалъ старикъ Сухово-Кобылинъ, — дѣла давно минувшихъ дней. Имъ не вернуться вновь, какъ не течь Волгѣ-вспять, несмотря на всѣ старанія ревнителей старины. 4-ое ноября 1864 г. слишкомъ рѣшительно порвало съ канцелярской тайной, бумажнымъ судопроизводствомъ и формальными доказательствами. Но главная героиня «Отжитого времени» далеко не отжила своего времени. Она только перемѣнила мѣсто дѣйствія, утончила формы своей дѣятельности. Рано писать ей некрологъ и надгробную эпитафію, и историку еще рано замѣнить сатирика. Главная героиня «Отжитого времени» — г-жа взятка, нагло-дерзкая и ненасытно-алчная, врывающаяся вампиромъ въ свою жертву и сосущая изъ нея кровь капля за каплей.

Въ ту пору, какую рисуетъ Сухово-Кобылинъ, у котораго, какъ и у его Муромскаго, «хлынула горломъ правда, вмѣстѣ съ кровью», — ей было особенно привольно въ судахъ, потому что у вѣсовъ правосудія, вмѣсто безстрашной Ѧемиды съ завязанными глазами, стояли Варравинъ и Тарелкинъ. И когда на одной чашкѣ этихъ вѣсовъ — честь, свобода, жизнь, — чего не бросить на другую, только бы она перетянула! Варравины и Тарелкины, истинные виртуозы взятки, отлично это понимали. И у Муромскихъ закладывались и продавались за полцѣны имѣнія и у нихъ росли по щучьему велѣнію каменные дома и округлялись капиталы; Муромскіе чахли и вытягивались въ струну, Варравины пріобрѣтали увѣренность во взорѣ и гордость поступки, а чашки правосудныхъ вѣсовъ продавливали въ воздухѣ капризничѣшіе курбеты, и повязка безстрашія на глазахъ Ѧемиды сдѣлалась совсѣмъ лишней: русская Ѧемида ослѣпла. Но потянуло свѣжимъ воздухомъ, загудѣлъ весенній шумъ русской общественности. Варравины и Тарелкины ссѣжились и трусливою походкою ушли изъ си храма, гдѣ вдругъ стало свѣтло, откуда вывели паутину, — и полкомъ пробрались въ другіе дома, подъ иными вывѣсками. И опять, только съ большею опаскою, и большею деликатностью въ манерѣ, заплели свое паутинное кружево. Пѣсенка Варравина далеко не сгѣла, только поютъ ее по иному и въ иныхъ мѣстахъ. Вотъ почему я считаю, что въ пьесѣ Сухово-Кобылина, хоть она и «Отжитое время», — не одинъ лишь историческій интересъ, но на лицо и большая доля «actualité». Правда, хлынувшая изъ горла Муромскаго, и сейчасъ должна производить свой эффектъ и вызывать отзвуки въ сердцахъ современнаго зрителя. Форма устарѣла. Но онъ въ ней разглядитъ ея жизненное, содержаніе, разложитъ современный общественный мотивъ, какъ сдѣлаетъ это въ «Ревизорѣ», въ сатирѣхъ Щедрина, которымъ комедія Сухово-Кобылина — истинное pendant.

И потомъ, время-то отжитое, но съ каждымъ днемъ плодятся теперь его энтузіасты, сисяшіеся разукрасить былой кошмаръ. Мелкій промахъ новаго суда, и слышится порою бѣшеный крикъ: «Назадъ!», т. е. все къ тому-же отжитому времени. И этотъ крикъ «Назадъ!», къ осужденнымъ исторію, заклоченнымъ памятью народной, выставленнымъ къ позорному столбу порядкамъ, несется все громче, онъ все значительнѣе и авторитетнѣе. Что тамъ позади, отъ этого либо отмалчиваются, либо расплываются въ потокѣ туманныхъ фразъ и іезуитскихъ вывертовъ. Лучшій отвѣтъ на такія приглашенія — яркая картина этого прошлаго, столь дорогаго инымъ сердцемъ. И «Отжитое время» даетъ ее, эту картину, да въ такой потрясающей, ужасающей силѣ, съ такой правдой подробностей и съ такой яркостью красокъ, что, я думаю, и завзятаго поклонника этой спасительной старины раздумье возьметъ, а простого смертнаго просто въ жаръ бросаетъ. Вотъ другая причина, почему мнѣ представляется «Отжитое время» въ видѣ глужей actualité, а постановка ея теперь кажется какъ нельзя болѣе ко времени, если вообще еще необходимы такого порядка мотивы, къ извлеченію изъ архивной пыли произведенія, собственно художественныя достоинства котораго, — внѣ спора, а проникающее его чувство благороднаго, искренняго негодованія и протеста сильно и «заразительно».

Спеціально Малому театру особенно стоило воскресить «Отжитое время». Его труппа располагаетъ блестящими силами для сценическаго воспроизведенія этой пьесы, и мы видѣли спектакль исключительно даже въ Маломъ театрѣ стройности и художественной законченности. Въ Москвѣ въ послѣдніе два-три года вошло въ моду поносить Малый театръ и кричать, что онъ падаетъ. Люди, скорые на приговоры и руководимые къ тому же соображеніями посторонними, подъ кого-то подкапывающіеся, но не имѣющие смѣлости прямо

назвать, подъ кого, — готовы объявить, что Малый театръ даже палъ окончательно, свелся на нѣтъ. Ему не подняться. Эта ложь, эти, часто совсѣмъ безмысленные выкрики по-немногу дѣлаютъ свое дѣло. Репутація образцоваго театра слегка колеблется. Calomniez, calomniez, toujours il en restera quelque chose. Господа хулители хорошо знаютъ силу этой истины и усердно ведутъ свою кампанію, труба о побѣдѣ, когда она еще только въ ихъ пламенномъ воображеніи и зломъ чувствѣ. Я самъ вовсе не думаю, что все сейчасъ обстоитъ въ Маломъ театрѣ вполне ужъ благополучно, и онъ переживаетъ какой-нибудь тамъ золотой вѣкъ. Сейчасъ — полуса заминки. Много тому причинъ, и мелкихъ, часто случайныхъ, которыя болѣе чѣмъ легко стряхнуть съ себя, и глубже, которыя и скопились по-немногу, издавна, а сейчасъ только ярче сказались въ слѣдствіяхъ. Повинно, къ слову сказать, тутъ и переходное состояніе самой драматургіи, а смута въ настроеніяхъ и требованіяхъ общества, которое вывели на распутиѣ, и мечутся его вкусы во всѣ стороны, ни на чемъ не въ состояніи подолгу остановиться. Повинно и то, что старое старится не всегда ровнею съ ростомъ молодого, быстрѣе, и на смѣну однихъ не поспѣваютъ придти достаточно достойные и достаточно подготовленные другіе. Словомъ явленіе далеко не изъ простыхъ. Въ немъ разбираться надо съ большою осторожностью, чтобы не спутать причинъ съ слѣдствіями и не приписать слѣдствій тѣмъ причинамъ, которыя совсѣмъ не при чемъ. И разобратъ въ этомъ слѣдуетъ, потому что только когда все ясно и вѣрно понято, можно помочь надежно бѣдѣ. Но, признавая все это, я думаю въ то же время, и глубоко въ этомъ убѣжденъ, что самая бѣда — не такъ еще большой руки, что никакія грозовыя тучи не собрались надъ Малымъ театромъ, никакой затаенной кризисъ ему не грозитъ и имъ не переживается. Повторяю, временная заминка и оттого нѣкоторое прохладнѣе потускнѣніе славы. Я думаю, въ Маломъ театрѣ всѣ сами отлично это сознаютъ, не обольщаются, и потому сумѣютъ сдѣлать нужное напряженіе энергій и силъ, чтобы исправить ошибки, сбросить гнетъ несладко сложившихся обстоятельствъ и быстро возстановить его на прежней высотѣ. Да, Малый театръ промахнулся, грубо говоря о «Ромео и Юліей», не разсчитавъ, что вообще эта трагедія требуетъ такого молодого настроенія въ зрительной залѣ какого отъ современной изнервничавшейся, утратившей простоту публики ждать нельзя, да вдобавокъ слишкомъ понадѣявшись на молодость исполнителей и на внѣшнюю красоту постановки. Это была ошибка, но это не былъ какой-то смертный грѣхъ, какъ нѣкоторые рѣшили въ Москвѣ, и въ балансѣ Малаго театра спектакль «Отжитого времени» съ избыткомъ покроетъ минусъ, получившійся отъ спектакля «Ромео». Конечно, въ балансѣ художественномъ; до баланса кассоваго мнѣ нѣтъ дѣла. И пусть бы даже «Ромео» давалъ сборъ за сборомъ, а «Отжитое время» завтра сняли за отсутствіемъ сборовъ, я бы все-таки все такъ же увѣренно скажу, что послѣдняя пьеса — крупный плюсъ... Оговорка странная, но необходимая по нашимъ временамъ, когда художественный успѣхъ мѣряется количествомъ аншлаговъ на кассѣ, а талантъ артиста размѣромъ получаемого имъ жалованья.

Въ постановкѣ «Отжитого времени» меня прежде всего прельщаетъ чрезвычайная выдержанность общаго колорита пьесы и великая стройность ансамбля, которыми замѣнены всякія режиссерскія ухищренія и кричащая своєю эффектною mise-en-scen'ы. Вся пьеса поставлена и разыграна съ истинно-художественною простотою и законченностью, съ тою великолѣпною правдою, какою всегда бралъ Малый театръ, истинный создатель и хранитель русскаго сценическаго реализма. «Да позвольте, что же здѣсь новаго, что для насъ спектакль, чего мы не видѣли раньше». Такъ говорили говорятъ протестанты quand-même, думающіе, вѣроятно, что каждый новый спектакль долженъ приносить съ собою «новую эру». Ахъ, они вполне правы. Все — только старо, какъ стара правда и искусство. И дай ей Богъ, этой старой правдѣ, долгаго вѣка на Малой сценѣ. Кому она скучна, тому не нужно театръ, какъ художественное учрежденіе, какъ обогащенная искусствомъ дѣятельность. Ему нужно тѣшить свое любопытство, которое ненасытно и быстро ко всему привыкаетъ. За любопытствомъ не угнаться, оно болѣе прытко, чѣмъ самая изворотливая выдумка и подлейшая изобрѣтательность. Имъ не совладать, не побѣдить. Ихъ ждетъ не сегодня, такъ завтра, несостоятельность. Всюду такъ, во всѣхъ отрасляхъ искусства. Когда оно, въ угоду этому божку-любопытству, начинали *поражать*, — шла бѣшеная скачка черезъ препятствія и неизбежный проигрышъ въ результатѣ. Посмотрите что творилось въ литературѣ, живописи, когда натурализи показались краснымъ, и началась вакханалія символизма, декадентства, мистицизма, эстетизма и т. д., и т. д. И вотъ всѣ эти модные ярляки сконфуженно убираются въ архивъ, и опять поднимаетъ голову все тотъ же реализмъ, хотя онъ одѣтъ въ модный, съ иголки, костюмъ натурализма... Въ маломъ размѣрѣ то же повторяется въ театрѣ, и финалъ будетъ тотъ же.

Тѣмъ же началами простоты и правды было проникнуто

исполнение отдѣльных ролей въ пьесѣ Сухова-Кобылина. Предо мной прошла галерея яркихъ образовъ, схваченныхъ и показанныхъ во всей своей жизненной полнотѣ, облитыхъ свѣтомъ и тепломъ таланта. Въ галлерей доминируютъ Муромскій-Ленскій, Атуева-Федотова и Варравинъ-Рыбаковъ. Три шедевра сценическаго искусства, по сочности красокъ, опредѣленности контуровъ, выпуклости рельефа. Съ каждой фигурой зритель быстро сроднился, потому что все въ ней ему было ясно, и онъ одинаково хорошо читалъ и въ свѣтлой душѣ ребенка съ сѣдыми волосами, безпомощнаго, растерявагося въ конешъ Муромскаго, и въ черной душѣ титана взятыи Варравина, выращеннаго канцеляріей на страхъ русскому обывателю. Олицетворить въ живомъ мѣстѣ цѣлую эпоху, цѣлую сторону общественной жизни. Это-ли не блестящая побѣда артиста? Безправная, безмолвная, кроткая Русь до 19-го февраля, бьющаяся, исходящая муками въ рукахъ чиновничества, — вотъ картина, за которую сумѣли дать въ Муромскомъ и Варравинѣ гг. Ленскій и Рыбаковъ. Оттого и было такъ гнетущее впечатлѣніе, что случай, эпизодъ былъ поднятъ до значенія широкой, общей идеи, по модному — символа.

Менѣе широко значеніе нѣкоторыхъ другихъ фигуръ пьесы, и потому онѣ представляли меньшій интересъ, хотя, напр., г. Макшеевъ сумѣлъ вложить столько жизни и задушевности въ образъ бурмистра, въ его слова, что въ смыслѣ сценическомъ, онъ пожалуй и не уступаетъ своимъ названнымъ партнерамъ по исполненію.

Много слабѣе былъ сыгранъ г. Правдинымъ Тарелкинъ. Если хотите, артистъ игралъ и хорошо. У него вышла фигура выпуклая, яркая, цѣльная, съ остроумными деталями, съ мѣткимъ *trouvailles*. Но Тарелкинъ рисуется мнѣ гораздо сложнѣе, съ большимъ запасомъ жолчи, злости, негодованія противъ судьбы, которая держитъ его въ черномъ тѣлѣ и не даетъ вздохнуть, какъ бы хотѣлось его груди. Въ немъ есть безусловно элементы трагическаго, потому что только сентиментальность отбавиваетъ пороку въ удѣлѣ трагическомъ. Не даромъ авторъ ему отдалъ послѣдній зловѣщій аккордъ пьесы, его устами говорить проклятіе міру, потонувшему въ злѣ и неправдѣ. Совмѣстить эти элементы въ одномъ живомъ образѣ — подлѣ силу лишь весьма крупному таланту, большой гибкости. Я не знаю, кому изъ нашихъ артистовъ это удалось бы въ полной мѣрѣ. И я думаю, что только потому, что это мало удалось г. Правдину, стали упрекать автора въ неестественности, дѣланности финала. Какъ могъ онъ отдать самый звучный аккордъ своего протеста Тарелкину, противъ кого этотъ протестъ направленъ? А какъ же такъ Гоголь вложилъ свое «надъ кѣмъ смѣетесь? надъ собою смѣетесь?» — всегда звучащее трагически, — въ уста городничему?

Старикъ.

ХРОНИКА театра и искусства.

Намъ пишутъ изъ Москвы. Одна изъ московскихъ газетъ, большая мастерица по части «сенсаций», сообщила будто М. Н. Ермолова вышла изъ труппы Малаго театра. Конечно, это оказалось вздоромъ. Но и теперь, когда уже назначенъ первый послѣ болѣзни выходъ московской любимицы, опять пробуетъ пустить въ оборотъ ту-же эффектную ложь и повторить, что г-жа Ермолова можетъ быть и уходитъ изъ труппы или, какъ это больше нравится газетѣ, вынуждена уйти. Чѣмъ вызывается такое упорство въ бессмысленной выдумкѣ, трудно сказать, потому-что не можетъ-же газета думать, что ложью и утками сумѣетъ вооружить кого-то противъ кого-то. На основаніи свѣдѣній, идущихъ изъ источниковъ вполне достоверныхъ, можемъ заявить, что М. Н. Ермолова не предполагала и не предполагаетъ выходить изъ труппы, и послѣ перваго спектакля послѣдуетъ рядъ другихъ, впрочемъ — съ небольшимъ дней въ 10, перерывомъ, такъ какъ М. Н. еще не вполне оправилась отъ болѣзни. Регулярное участіе ея въ спектакляхъ начнется съ декабря. Къ сожалѣнію, врачи запретили артисткѣ выступать пока въ роляхъ требующихъ сильнаго напряженія, а потому въ этомъ сезонѣ г-жа Ермолова будетъ играть преимущественно въ комедіяхъ,

М. П. Садовскій измѣнилъ свое первоначальное nambrerie и поставить въ свой бенефисъ вмѣсто «Трудового хлѣба» — «Горячее сердце». Бенефисъ состоится на святкахъ.

Московское отдѣленіе литературно-театральнаго комитета въ своемъ послѣднемъ засѣданіи разрѣшило къ представленію драмы «Бояринъ Кучка» и «Царь Алексѣй». Послѣдняя драма — изъ византийскаго исторіи XII в. и принадлежитъ П. В. Безобразову.

Пьеса гр. Л. Н. Толстого «Трунцъ» пойдетъ въ Маломъ театрѣ. Ввиду поворотной сцены, авторъ вернулся къ своему первоначальному nambrerie и оставилъ пьесу въ 15 картинахъ.

* * *

Въ Александринскомъ театрѣ начались репетиціи «Гамлета», въ переводѣ К. Р. Какъ извѣстно, «Гамлетъ» идетъ въ бенефисъ г. Аполлонскаго.

Вскорѣ появится на сценѣ новый переводъ другого классическаго произведенія, — именно «Маріи Стюартъ». Переводъ принадлежитъ В. С. Лихачеву и свободенъ отъ архаизмовъ, хотя и прекраснаго, но устарѣваго перевода. Кромѣ того, переводъ В. С. Лихачева полнѣе и не связанъ строгостями цензуры тридцатыхъ годовъ. «Марія Стюартъ», въ переводѣ В. С. Лихачева пойдетъ въ бенефисъ З. В. Холмской, 14 декабря, въ театрѣ Литературно-художественнаго Общества.

* * *

Ближайшей новинкою театра Литературно-художественнаго театра является «Исторія болѣзни Пытоева» г. Трахтенберга, получившая премію на конкурсѣ. Пьеса идетъ въ бенефисъ даровитаго артиста К. В. Бравича 1 декабря. Сюжетъ пьесы въ высшей степени любопытенъ, и основанъ на патологическомъ явленіи, извѣстномъ подлѣ названіемъ «раздвоенія личности».

* * *

На сценѣ петербургскаго Малаго театра пойдетъ вскорѣ пьеса В. Крылова и г. Литвина (Эфрона) «Контрабандисты». Эта пьеса имѣетъ свою исторію. Она была передана г. Крыловымъ изъ какой-то повѣсти г. Эфрона и принята на сцену Императорскаго театра, подлѣ названіемъ «Сыны Израиля». Кн. С. М. Волконскій, вступивъ въ должность директора Императорскихъ театровъ, немедленно распорядился «вернуть» пьесу авторамъ. Въ Одессѣ г-жа Волгина поставила эту пьесу, но ее не докончили, потому что пришлось вызвать сотню казаковъ для полнаго «ансамбля». Въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества пьеса репетировалась два года назадъ, но была снята, такъ какъ гг. Далматовъ и Бравичъ отказались отъ ролей. Теперь ее вновь репетируютъ, причѣмъ г-жа Яворская отказалась отъ роли. Лѣтомъ въ Екатеринбургѣ эту пьесу хотѣли поставить въ свой бенефисъ г. Травинскій, но г. губернаторъ не разрѣшилъ ее. Въ Севастополѣ актеры возвратили розданныя роли.

Теперь пьеса пойдетъ подлѣ названіемъ «Контрабандисты». Это, конечно, лучше, чѣмъ «Сыны Израиля», и пьеса въ значительной мѣрѣ лишается тенденціознаго характера. Но хорошъ «сынъ Израиля» — г. Эфронъ!

* * *

Въ Академію Художествъ представлено проектовъ на сооруженіе новочеркасскаго театра всего 14, изъ коихъ 12 изъ Петербурга.

* * *

Новый театръ петербургскаго попечительства о народнѣй грезвости откроется «Жизнью за Царя». Постановка «Петра Великаго» В. Крылова отложена на неопредѣленное время.

* * *

Двѣ новости, которыя должны быть интересны для за-всегдаево кафешантана: Отеро выходитъ замужъ, а Кавальери подписала на лѣто въ «Аквариумъ» въ оперу, которую, будто бы, будетъ держать Гинсбургъ.

* * *

Г. Воробецъ-Сперанскій перерѣзавшій въ августѣ въ банѣ артерію на рукахъ, выздоровѣлъ и выѣхалъ изъ Харькова. Кстати, два слова о другой печальной исторіи. Г-жа Тенсонъ, въ которую стрѣлялъ ее мужъ, выскочившая черезъ окно, въ настоящее время оправилась. Жизнь ея внѣ опасности.

* * *

† В. Е. Ильковъ. Мы сообщали уже въ предыдущемъ номерѣ о скоростной смерти Вл. Евграфовича Илькова. Покойный принадлежалъ къ числу известныхъ и заслуженныхъ провинціальныхъ артистовъ. Одно время Ильковъ служилъ, также въ Москвѣ у Корша. Провинцію Ильковъ избороздилъ вдоль и поперекъ. Въ прошломъ сезонѣ Ильковъ служилъ въ Ригѣ. Нынѣшній—у Струйска-

† В. Е. Ильковъ.

го въ Черни. Лѣтомъ между прочимъ, закончилъ побѣды съ г. Орленевымъ, игралъ Порфирія Петровича вмѣсто г. Яковлева. Наиболѣе обработанными ролями Илькова были городничій и Фамусовъ. Ильковъ былъ актеръ свѣдущій, интеллигентный, серьезный. Нѣкоторыя замѣтки покойнаго были помѣщены въ нашемъ журналѣ. Бережливость Илькова, о которой въ актерскихъ кругахъ говорили не мало, являла собою дѣйствительно яркую противоположность обычной распущенности и недисциплинированности русскаго актера, и характеризовала собою, вообще, всю индивидуальность покойнаго: его строгое отношеніе къ дѣлу, спокойствіе и выдержку.

Одною серьезною силою стало меньше въ провинціальномъ театрѣ. Миръ праху честнаго актера-труженника.

* * *

Въ театрѣ Корша, 17 ноября, назначенъ наградной за 15-лѣтнюю службу бенефисъ Н. В. Свѣтлова. Артистъ ставитъ новую трехъ-актную пьесу г. Шпагинскаго „Предѣлъ“.

* * *

Москва, поигравъ въ „очереднаго режиссера“, теперь поднимаетъ вопросъ о прекращеніи этой системы, „которая съ несомнѣнностью ни къ чему путному не ведетъ“.

* * *

Послѣдняя пьеса Гергарда Гауптмана, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Микаэль Крамеръ“, пойдетъ въ началѣ декабря на сценѣ берлинскаго „Deutsches Theater“. Основной мотивъ этой драмы—безконечное великое значеніе всепрощающей и всепримиряющей смерти. Въ Москвѣ „Микаэль Крамеръ“ пойдетъ, какъ мы слышали, въ декабрѣ на сценѣ „Художественно-общедоступнаго“ театра.

* * *

Г. Шалляпинъ на предстоящій великопостный сезонъ, по газетнымъ слухамъ, получилъ ангажементъ въ Миланъ.

* * *

Москва скоро пріобрѣтаетъ новый концертный залъ въ консерваторіи, который откроется въ половинѣ февраля. Эстрада отдѣляется высокою аркою отъ зала и рассчитана на помѣщеніе хора, оркестра и большого органа. Органъ, стоимостью 37,000 руб. подаренъ консерваторіи С. П. фонъ-Дервизомъ. Онъ вышелъ изъ мастерской Ковалье-Коля и соста-

вляеть цѣнный даръ. Въ партерѣ мѣстъ 912; затѣмъ вверху въ двухъ амфитеатрахъ—1,304 мѣста (856—въ первомъ амфитеатрѣ вмѣстѣ съ его двумя фойе и 448—во второмъ, поднимаясь надъ первымъ). Въ галлерей, идущей отъ амфитеатра вдоль продольныхъ стѣнъ зала, имѣется еще 270 мѣстъ. Такимъ образомъ всѣхъ мѣстъ въ этомъ залѣ 2,486. Надъ аркою эстрады укрѣплены медаліоны Н. Г. Рубинштейна, а по боковымъ стѣнамъ зала приготовлены мѣста для портретовъ выдающихся музыкантовъ. Стоимость всѣхъ новыхъ сооружений и передѣлка старыхъ владій консерваторіи обойдется съ небольшимъ около милліона рублей.

Въ настоящее время въ консерваторіи приводятся въ порядокъ предметы, поступившіе въ устраиваемый музей имени А. Г. Рубинштейна. Портреты композитора (съ юныхъ лѣтъ) развѣшаны по стѣнамъ.

* * *

Послѣ „Вероники“ въ театрѣ Кононова была поставлена оперетка Одрана, „Миссъ Элиэтъ“, хорошо исполняемая артистами. Особеннымъ успѣхомъ пользуется талантливая Жанна Пети и прекрасный теноръ І. Дэнкана. Кстати замѣтимъ, что г-жа Жанна Пети будетъ участвовать еще только въ нѣсколькихъ спектакляхъ, и скоро уѣзжаетъ въ Парижъ. На смену ея появится г-жа Таріоль-Боже.

* * *

„Безправная“. Въ среду 15 ноября на сценѣ театра Литературно-Художественнаго Общества была поставлена первая изъ 5 премированныхъ конкурсныхъ пьесъ—„Безправная“ г-жи Владиміровой. Нельзя не пожалѣть, что нынѣшнему сезону едва-ли суждено познакомиться съ пьесами, получившими вторыя преміи—„Подъ колесомъ“, „Пережитымъ“, а также съ милой комедіей „Дымъ Отечества“, получившей третью премію.

„Безправная“—пьеса, продиктованная тонкимъ женскимъ чувствомъ. Но женское чувство рѣдко бываетъ справедливо. Въ немъ слишкомъ много субъективности и страстности. Какъ печаль Мавра, оно „караетъ все что любитъ“. Это—воплъ души, ожесточеніе побѣжденнаго... Отъ того женщина часто—чаще, чѣмъ слѣдуетъ—впадаетъ въ мелодраму т. е. въ чрезвычайное сгущеніе красокъ.

Позвольте вкратцѣ рассказать сюжетъ. Героиня „Безправной“—милая, добрая, но рядовая дѣвушка—влюбляется въ актера Громова, позера и плѣнительнаго фата снаружи и циничнаго, грубаго и циничнаго скота—внутри. Она выходитъ изъ него замужъ, скитается по провинціальнымъ трущобамъ, и когда мужъ заставляетъ ее дѣлать разныя гадости,—у нея совершенно открываются глаза на этого плѣнительнаго скота, и она убѣгаетъ къ своему прежнему жениху, адвокату. Этотъ адвокатъ въ противоположность актеру, очерченъ необыкновенно мягко. Одна сладость. Отъ добраго и сладкаго адвоката рождаются дѣти, двое славныхъ бутузовъ—вообщемъ, годы текутъ въ полномъ счастьи и довольствіи. Дядя героини, почтеннѣйшій старецъ, оставляетъ племянникамъ огромное состояніе, и вотъ тутъ то завязывается узелъ настоящей драмы. Дѣти-то въ дѣдъ считаются законными дѣтьми Громова. А актеръ въ дѣдъ—скотъ единственный въ своемъ родѣ. И вотъ, чтобы обезпечить состояніе дѣтей отъ притязаній единственнаго въ мірѣ скота, адвокатъ записываетъ дѣтей на свое имя, якобы они рождены отъ неизвестной женщины. Но актеръ является, требуетъ денегъ, заставляетъ адвоката умереть, надо полагать, отъ разрыва сердца—и въ концѣ концовъ, у несчастной женщины отбираютъ состояніе и отберутъ дѣтей. Въ заключительной сценѣ, героиня, какъ въ „Старомъ вопросѣ“ Вл. Александрова, постъ тихую пѣсенку надъ засыпающимъ ребенкомъ,—кто знаетъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ.

Говорятъ, эта пьеса сдѣлана прекрасно въ юридическомъ отношеніи—для юристовъ, прибавлю я—которые здѣсь выставлены въ чрезвычайно симпатичномъ смыслѣ, не то, что у Байрона, гдѣ („Донъ-Жуанъ“) мы читаемъ:

Юристъ всегда въ грязи—того не скроемъ,
Какъ нравственности жалкій трубочистъ,
Покрытъ онъ сажей толстымъ слоємъ:
Смѣнивъ бѣлье, онъ все-жъ не будетъ чистъ.

Но насколько г-жа Владимірова благосклонна къ юристамъ,—настолько безпощадна къ актерамъ: ни одного свѣтлаго пятна, ни одной примиряющей черты. Скопище разбойниковъ изъ Муромскихъ лѣсовъ, хамовъ, и пошлыхъ, ничтожныхъ людей.

Авторъ не любить, выражаясь языкомъ Алексѣя Толстого, „мѣста пустошнаго между да и нѣтомъ“. Но позвольте не повѣрить въ столь мрачную картину, нарисованную г-жей Владиміровой. Позвольте думать, что актеры сотнями гибнущіе, голодающіе, кочующіе, подобно Власу, и въ зимушку студеную, и въ лѣтнюю жару, приносящіе вслѣчайшія жертвы—и не на словахъ, о, нѣтъ, не на словахъ!—искусству, что актеры что-нибудь въ себѣ да содержатъ, какую-нибудь искру духовную, и что эта искра даетъ ихъ душамъ то, чего никогда не

знаютъ юристы, копающіеся въ пыли, архивахъ и очищающіе чужую нравственность отъ налета порока и преступленія...

Г-жа Владимірова — авторъ даровитый, и тѣмъ большѣе намъ это озлобленіе противъ актера. Увы и дарованіе драматурга, пвидимому, безсильно совладать съ женскимъ чувствомъ и со страстнымъ воплемъ наболѣвшей души.

«Безправная» — пьеса эффектная. Имѣются отличныя роли, сцены живо скомпанованы, есть юморъ и чутѣе сцены. Нѣкоторыя лица, какъ, напримѣръ, Дюся — очерчены прекрасно. Вообще, это пьеса интересная, и публикѣ она всегда будетъ нравиться. Только бы не эта безпощадная жестокость къ актерамъ, — къ актерамъ, которые ее будутъ играть ради окончательнаго торжества безправныхъ, ради смягченія сердецъ, ради добрыхъ чувствъ, ради того, наконецъ, чтобы найти для страстнаго негодованія автора наиболѣе правдивое, художественное и искреннее выраженіе!..

Такой грузъ идей и чувствъ возможно-ли повѣрять такой «черной бандѣ», какъ актеры? Осторожно-ли?

Автора вызывали очень усердно. Пьеса, за малымъ исключеніемъ, разыгрывается хорошо, и г. Карповъ обнаружилъ немало чутія и старанія въ постановкѣ. *Homo Novus.*

* * *

Петербургскій театръ. Нѣтъ въ наше время героевъ, какъ нѣтъ въ нашей жизни ничего героическаго. Глубокія страсти, безумная любовь, подобная неудержимому порыву вѣтра, титаническіе характеры, вынесшіе на себѣ тяжесть многихъ вѣковъ — все это принадлежитъ далекому и, конечно, невозвратному прошлому. Все это минуло и давно кануло въ вѣчность. Чувства и страсти нашего времени куда мельче и проще. Изъ горячихъ проповѣдниковъ культа любви мы превратились въ простыхъ «аматоровъ», которымъ къ тому же и недосугъ заниматься «насъ возвышающимъ обманомъ». Повседневная жизнь, такая же ничтожная, какъ кажемся мы ничтожными по сравненію съ былыми героями, отнимаетъ слишкомъ много времени и «страдать иль наслаждаться» намъ приходится только урывками, между дѣломъ.

Вотъ почему, когда я смотрѣлъ пьесу Д. Роветта «Между дѣломъ», поставленную въ театрѣ г-жи Шабельской 13 ноября, я думалъ: какая это современная и жизненная пьеса и какъ близка она намъ всѣмъ!

Здѣсь и любятъ, и страдаютъ и волнуются именно урывками и только между дѣломъ. «Онъ» любить и обожаетъ, «она» измѣняетъ ему ради челоѣка совершенно безличнаго и замѣчательнаго только своимъ счастливымъ возрастомъ. Тема эта, конечно, стара, какъ старъ міръ, но фонъ, на которомъ она разрисована, совершенно новъ для сцены, хотя и хорошо знакомъ по повседневной жизни. Происходятъ семейныя сцены, переживаются тяжелыя минуты, но все это не должно выходить за порогъ дома, ибо иначе это можетъ отразиться на репутаціи дѣйствующихъ лицъ, а слѣдовательно, и отозваться на томъ дѣлѣ, *das Geschäft*, въ которомъ они находятся. И для дѣла — коммерческаго дѣла — они безропотно и скрытно отъ другихъ перенесутъ и все. Никто никогда ничего не узнаетъ о томъ, что происходитъ и между дѣломъ.

Содержаніе пьесы Роветта въ общемъ сводится къ слѣдующему.

Андреа Борсіери, представитель лучшаго и наиболѣе популярнаго моднаго магазина, безъ ума любитъ свою супругу сеньору Джулію. Она совсѣмъ молоденькая, а онъ «мужчина почтенныхъ лѣтъ». Молодость беретъ свое, и Джулія влюбляется въ красиваго приказчика Энрико. Много времени прошло прежде, чѣмъ мужъ узналъ про измѣну жены. Ему помогъ въ этомъ только случай. Энрико за пьянство прогналъ со службы посыльнаго Перэго, который случайно оказался свидѣтелемъ одного изъ свиданій Джуліи и Энрико. Чтобы отомстить приказчику, лишившему его заработка, Перэго открылъ глаза Андреа. Произшла, разумѣется, тяжелая сцена, которая, однако, не получила никакой огласки и никто о ней не узналъ. Къ тому же это страстное объясненіе между супругами происходило урывками, между дѣломъ. Сейчасъ Андреа приглашаютъ къ телефону, черезъ минуту — къ говорной трубѣ, еще черезъ минуту является какой-нибудь маркизъ, расто-

Перэго.

(«Между дѣломъ»).

чающій комплименты хорошенькой Джуліи, у которой послѣ минутнаго объясненія съ мужемъ не успѣли еще высохнуть глаза отъ слезъ. Затѣмъ черезъ полчаса обязанности отвлекутъ супруговъ въ разныя стороны. И такъ пройдетъ у нихъ вся жизнь. Имъ не останется времени даже на то, чтобы узнать другъ друга. Можетъ случиться даже, что имъ некогда будетъ объясниться. Увы, «дѣло», этотъ большой промышленный идолъ требуетъ всей жизни, а прочему даритъ только минуты.

Повторяю: это интересная пьеса. По тону и стилю она напоминаетъ другія пьесы того-же автора. Здѣсь такое-же «будничное» содержаніе и также великолѣпно и художественно отдѣланы мелкія подробности.

Обставлена пьеса съ внѣшней стороны хорошо, но зато исполненіе значительно слабѣе художественныхъ и литературныхъ достоинствъ пьесы. Въ исполненіи совершенно отсутствовала энергія, всѣ играли скучно и вяло. Лучше другихъ на этотъ разъ былъ г. Петросіанъ (Андреа). У него были мѣста недурно задуманныя и выполненныя. Зато г-жа Красовская употребила всѣ мѣры къ тому, чтобы совершенно обезличить Джулію. Артистка, какъ оказывается, до сихъ поръ не научилась слушать своихъ партнеровъ и не умѣетъ даже отвѣчать въ тонъ. Въ такомъ-же родѣ была и г-жа Сурская (Луиза).

Въ тотъ-же вечеръ шелъ впервые новый драматическій этюдъ Б. И. Бентовина «Бездна». Авторъ нарисовалъ яркую картину изъ болѣзненной жизни. Лиза, принадлежащая къ числу «милыхъ, но погубившихъ созданий» (цвелозо-же на нихъ театру г-жи Шабельской!) попадаетъ въ больницу и здѣсь подвергается цѣлому ряду презрительныхъ насмѣшекъ и издѣвательствъ за свою «профессію». «Добрымъ геніемъ» Лизы является мѣстная сестра милосердія, которая выводитъ ее на стезю добродѣтели.

При такой темѣ нельзя было избѣгать нѣкоторыхъ мелодраматическихъ приѣмовъ, хотя пьеса все-же смотрится съ болѣе интересомъ и ей можно предсказать успѣхъ у публики. Кстати отмѣтимъ, что «Бездна» нѣкоторыми внѣшними положеніями напоминаетъ немного «Гантеле».

Какъ постановка, такъ и исполненіе носили какой-то случайный, небрежный характеръ. Изъ исполнителей имѣла успѣхъ только одна г-жа Шабельская въ благодарной роли Лизы. Что-же касается до г-жъ Островской, Охотиной и др., то ихъ рискованно было-бы выпускать даже въ ученическихъ спектакляхъ.

Автора по окончаніи пьесы усиленно вызывали.

Вл. Линскій.

* * *

Вышелъ списокъ разрѣшенныхъ безусловно и съ исключеніями пьесъ. Первыехъ — 45, вторыхъ — 59. Списокъ безусловно разрѣшенныхъ у насъ будетъ напечатанъ, поэтому скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ пьесахъ, которыя пока еще не напечатаны. Среди нихъ нѣсколько принадлежатъ писателямъ съ именами. Таковы: «Въ пустынь», одноактная пьеса В. А. Тиханова, «Заслуженный профессоръ» Бернстерна-Бернсона, «Прочь съ дороги» Н. Д. Сѣверова, «Рука руку моетъ» И. В. Шпажинскаго и «Старый домъ» А. М. Федорова. Изъ пьесъ, удостоенныхъ премій театра Литературно-художественнаго общества, попали въ списокъ: «Пережитое» І. Радзивиловича и «Исторія болѣзни Пытоева» В. О. Трахтенберга. Изъ передѣлокъ отмѣтимъ передѣлку романа кн. Д. П. Голицына «Теноръ» и «Надежда Николаевна» Гаршина, въ перед. Ю. Д. Кобыкова. Разрѣшенъ, между прочимъ, новый переводъ «Фруфру» (А. Горчаковой и Н. Казовкина).

Но самую крупную новость мы приберегли къ концу. III. Омонъ сталъ драматургомъ. «Статья 214» комедія-фарсъ переведена III. Омономъ. Эта статья, вѣроятно, предусматриваетъ безобразія въ публичномъ мѣстѣ и стоитъ въ связи съ «Налогомъ на веселыхъ дамъ», тоже, разумѣется, фарсомъ и тоже въ 3 дѣйствіяхъ.

* * *

Намъ телеграфируетъ изъ Кіева. Г. Максаковъ вышелъ изъ состава труппы кн. Церетелли. Кто-же остался? Ушелъ г. Каміонскій, ушла г-жа Геннеръ, теперь — г. Максаковъ. Приятные нравы, должно быть, существуютъ въ труппѣ кн. Церетелли.

* * *

Предстоящимъ постомъ въ Москвѣ будетъ итальянская опера г. Угетти. Въ составъ ея входятъ: г-жи Зигриды Арнольдсонъ, Луиза Тетрачини; гг. Анжело Мазини и Маттіа Баттистини, Гверина Фабри и Флоренцо Константино и драматическій теноръ Луиджи Лонгобарди. Дирижеръ г. Луккаччини. Предложено открыть два абонементъ по пять или десять спектаклей въ каждомъ.

* * *

На-дняхъ въ Москвѣ малороссійской труппой г. Суслова поставленъ «Фаустъ», передѣланный г. Сарматовымъ. Въ пе-

редѣлкѣ опера носить название «Хваустъ». По словам мѣстных газетъ, передѣлка оказалась самой обыкновенной малорусской пьесой съ дивчинами и парубками и заунывными малороссійскими мотивами, но персонажамъ этой «драмы съ пѣніемъ» на этотъ разъ были присвоены имена изъ безсмертной трагедіи Гете. Другого отношенія «Хваустъ» къ «Фаусту» не имѣетъ.

* *

Въ Краковѣ на-дняхъ была поставлена на польскомъ языкѣ драма Сухово-Кобылина «Дѣло». По сообщенію мѣстныхъ газетъ пьеса имѣла большой успѣхъ.

* *

Петербургскія газеты рассказываютъ о томъ, какъ пѣвица Альма Фостремъ отомстила одному гелленгфорскому музыкальному рецензенту за его рѣзкій отзывъ о ней.

На слѣдующемъ концертѣ пѣвица вдругъ остановилась на срединѣ музыкальной фразы и, указывая на одного господина въ третьемъ ряду, громко сказала:

— Пока этотъ субъектъ не удалится, я не спою ни одной ноты.

Поднялась суматоха. Забѣгали распорядители. Злосчастный «субъектъ» былъ никто иной, какъ строгій критикъ. Часть публики заступилась за пѣвицу, другая—за рецензента. Произошелъ скандалъ, длившійся полчаса. Наконецъ, рецензентъ, улыбаясь, раскланявшись передъ «дивой», удалился, и она окончила прерванный романсъ.

* *

«Меделя».

Филотетъ—г. Михайловъ, (рис. С. Панова).

Симпатичное предпріятіе симфоническихъ концертовъ графа А. Д. Шереметьева, стремящееся соединить художественность программъ съ ихъ общедоступностью, растетъ, пользуется неизмѣннымъ расположеніемъ публики, переполняющей Конововскій залъ. Въ нынѣшнемъ году духовой оркестръ прошлыхъ лѣтъ замѣненъ заново сформированнымъ большимъ симфоническимъ оркестромъ, съ помощью котораго легче и естественнѣе можно преслѣдовать художественныя цѣли. На первомъ концертѣ, 5-го ноября, изъ чисто оркестровыхъ номеровъ исполнены были увертюра «Patrie» («Графъ де-Ри-вооръ»), Бизе и неоконченная симфонія Шуберта. Исполненіе, подъ управленіемъ г. Владимірова, было добросовѣстнымъ, точнымъ и осмысленнымъ. Правда, въ увертюрѣ Бизе не доставало присущихъ этой вещи шири, воли и воздуха, а въ симфоніи Шуберта не было еще той поэтической дымки, которая должна окутывать это романтическое произведеніе и зглаживать въ немъ всѣ переходы и очертанія. Но это уже высшая, окончательная задача художественной передачи, это то, что философъ Мендельсонъ называлъ «стереть потъ съ лица искусства». Со временемъ можно ждаль художественной законченности. Въ точности, стройности и дисциплинѣ оркестра и теперь нельзя отказать, судя по тому, какъ хорошо онъ справился съ нелегкой задачей оркестрового аккомпани-

мента въ «Fantasia appassionata» Вьетана и въ отрывкахъ изъ «Юдиои», Сѣрова. Скрипачъ г. Шредеръ, солистъ оркестра, толково, умѣло и съ хорошей техникой сыгралъ названную фантазію, но исполненная на *bis* мазурка Венявскаго, требующая капризной и пикантной свободы, мало подходитъ къ его дарованію, кажется, болѣе склонному къ яснымъ и опредѣленнымъ рамкамъ. Пѣла еще г-жа Данковская, — свѣжее драматическое сопрано.

Все второе отдѣленіе занято было вступленіемъ, хорами, сольными и оркестровыми номерами изъ «Юдиои».

У Сѣрова здѣсь, какъ почти вездѣ въ его операхъ, на первомъ планѣ стоятъ цѣли экспрессіи и характеристики, но композиторскій талантъ его ко времени созданія «Юдиои» настолько окрѣпѣ и созрѣлъ, что музыка нигдѣ не страдаетъ и не нисходитъ до служебной только роли. Она вездѣ (особенно въ хорахъ) полна интереса сама по себѣ, и этотъ интересъ еще возрастаетъ отъ страстности вложенныхъ въ нее эфектовъ, и рельефной изобразительности лицъ и положеній. Исполнители главныхъ партій, г-жа Данковская (монологъ Юдиои) и г. Егизаровъ (воинственная пѣсня Олоферна), сумѣли не поступиться ни красотою этой музыки, ни ея высокой драматичностью. Вообще, все исполненіе, полъ управленіемъ самого устроителя концертовъ, дышало любовью къ исполняемому, равно увлеченіемъ и исполнителя, и слушателя. Замѣчательно, что это чистое рвеніе, составляющее самый нервъ искусства.

А. Я.

* *

Молодой скрипачъ, г. Завѣтковскій, окончившій науку консерваторію у покойнаго проф. Краснокутскаго и совершенствованшійся затѣмъ въ Парижѣ у Марсика, далъ 14 ноября свой концертъ въ залѣ Кредитнаго Общества. Этимъ лѣтомъ онъ успѣлъ заявить себя въ качествѣ солиста и квартирмейстера Сестрорѣцкаго оркестра. Публика собралась на концертъ въ изрядномъ количествѣ и отнеслась къ концертанту весьма сочувственно. Мы слышали его недавно на конкурсѣ скрипачей, гдѣ онъ выдѣлился прекрасной кантиленой и даже удачливѣе другихъ конкурентовъ исполнилъ *andante* изъ Мендельсоновскаго концерта. Красивый лирическаго характера тонъ, пѣвучій смычекъ и подкуплющая мягкость исполненія составляютъ сильныя стороны его игры, недостатокъ темперамента и жизненности—ея слабую сторону.

Выборъ исполненныхъ концертантомъ вещей (Havannaise Сень-Санса, Le déluge его же, 4-й концертъ Вьетана, Zigeunerweisen Сарасате и на *bis* колыбельную пѣсню изъ «Юдифи» Годара, Orientale и Perpetuum mobile, Кюи) даетъ пирокую возможность пѣть на скрипкѣ, на что г. Завѣтковскій, видимо, обращаетъ главное вниманіе, не гоняясь за кунштюками пальцеломной техники. Изысканная фразировка, отражающая вліянія французской школы, и правильно взятые въ бравурныхъ мѣстахъ темпы скрываются недостаткомъ природнаго огня. По болѣзни г-жи Бакмансонъ ее замѣнилъ экспромтомъ какой-то развязный итальянскій баритонъ, съ эстрады названный г. Рафаэлемъ Фавія, въ урологѣ изъ «Паяцовъ», въ аріи торредора и въ какой-то неаполитанской дребедени на *bis*, обнаружившій довольно звучное форте, сомнительное *piano*, отсутствіе какихъ-либо переходовъ отъ одного къ другому и, наконецъ, традиционное умѣніе пѣть, безъ котораго они, кажется, и на свѣтъ не родятся и которому все-таки позавидовать можно. Въ концертѣ съ успѣхомъ принялъ участіе также піанистъ, г. Медемъ, прекрасно исполнившій съ концертантомъ сонату C—moll Грига, «Bergeuse» Шопена, соло и ноктюрн Чайковскаго на *bis* и давшій во всемъ много настроенія.

Я. Э.

* *

На-дняхъ разрѣшена къ представленію оригинальная трехъ-актная оперетта «Амуръ и Психей», сочиненіе Ф. Ф. Энкерта.

* *

Окончившій курсъ московскаго филармоническаго общества Зиновій Коганъ занялъ по конкурсу вакансію первой скрипки въ Висбаденскомъ королевскомъ театрѣ.

* *

Къ сезону въ провинціи.

Нѣвъ. Кіевскій губернаторъ, оказывается, утвержденіе вопроса о сдачѣ въ аренду городского театра М. М. Бородаю отложилъ до разсмотрѣнія выработаннаго думой договора и, слѣдовательно, слухи о томъ, что г. Бородай и на этотъ разъ потерпѣлъ фіаско—преждевременны. Какъ телеграфируютъ въ газеты, губернаторъ будто бы уже успѣлъ закончить разсмотрѣніе договора и будго бы утвердилъ сдачу театра г. Бородаю.

Впрочемъ, можетъ быть, и эта телеграмма столь же достоверна, сколько и первая.

Рига. Въ залѣ «Улей», гдѣ играетъ русская драматическая труппа, выручено за октябрь мѣсяцъ сбора 5279 р. 74 к. противъ 4146 р. 61 к. въ прошломъ сезонѣ. Первая треть ноября прошла приблизительно съ такими же результатами.

7-го ноября, по словамъ «Нов. Вр.», состоялось общее собраніе Драматическаго Общества, въ которомъ было рѣшено взять антрепризу Русскаго театра и на будущій годъ. Всѣ условія остаются прежнія, такъ какъ новое театральное зданіе, какъ выяснилось, не будетъ готово для представлений въ слѣдующемъ сезонѣ. Такимъ образомъ, волнующій мѣстное общество вопросъ объ организации театрального дѣла при новыхъ условіяхъ въ новомъ городскомъ театрѣ естественно отолѣвинулся на нѣкоторое время на задній планъ.

Бенефисъ мѣстнаго премьера г. Петрова-Краевскаго ознаменовался демонстраціей, направленной противъ рецензентовъ мѣстныхъ газетъ, не признававшихъ за бенефициантомъ особенныхъ талантовъ. Г. Петровъ-Краевскій, играя Кина, какъ сообщ. «Риж. Вѣстн.», подчеркнул въ извѣстной недоброжелательной тирадѣ Кина о лондонскихъ рецензентахъ слова «наши рецензенты» и отмѣтилъ даже ихъ произвольною памузою, которую, несомнѣнно, по заблаговременному внушенію, нѣсколько поклонниковъ Краевскаго, благоговѣющихъ безъ различія предъ каждымъ актеромъ, появившимся въ роляхъ благородныхъ героевъ, отмѣтили сочувственными рукоплесканіями.

Если эта манифестация пролила цѣлительный бальзамъ въ уязвленное критикою сердце г. Краевскаго, то за него слѣдуетъ только порадоваться. Но если онъ полагаетъ, что это можетъ содѣйствовать установленію за нимъ репутаціи талантливаго артиста, то сильно ошибается.

Главное участіе въ манифестации принимала учащаяся молодежь. Но и это ни мало не удовлетворяетъ дарованія г. Краевскаго.

Николаевъ. Въ зимнемъ театрѣ съ 6 декабря начинаются спектакли драматической труппы г. Ивановскаго, играющей теперь въ Херсонѣ.

Кишиневъ. Въ пятницу, 10 ноября, состоялось открытіе театра Орадовскаго. Для открытія—товариществомъ малорусскихъ артистовъ была поставлена драма въ 5 д. г. Суходольскаго—«Хмара».

Пермь. По свѣдѣніямъ театральной дирекціи сборы въ драмѣ за первый мѣсяцъ (т. е. за первые 23 спектакля) составили сумму 7.308 р. 30 к., считая въ томъ числѣ и въшалку, и контрмарки и т. п., а сборы прошлогодней оперы за первый мѣсяцъ (всего 16 спектаклей)—8.835 р. 3 к., такъ что драма дала 318 р., а опера—552 р. за спектакль въ среднемъ.

Саратовъ. Условія, на которыхъ г. Бородай желаетъ снять театръ на будущее время, не приняты городомъ.

Одесса. Здѣсь открыло дѣйствія вновь народившееся «южно-русское музыкально-драматическое общество». Предсѣдателемъ избранъ К. Н. Новосельскій, секретаремъ М. Кривцовъ и канцеляремъ Г. К. Тотти.

Новочеркасскъ. Предсѣдатель музыкально-драматическаго Общества В. А. Бѣляевскій подалъ заявленіе въ правленіе Общества о сложении съ себя обязанностей, какъ предсѣдателя, такъ и члена правленія.

Тифлисъ. Г. Дальскій закончилъ свои гастроли въ Тифлисъ и уѣхалъ въ Батумъ. Но часть труппы (въ томъ числѣ: г-жи Донецкая, Туманова; гг. Бороздинъ, Бахмитовъ и др.) образовала самостоятельное товарищество, которое будетъ ставить спектакли въ мѣстномъ театрѣ грузинскаго дворянства и въ «Тифлискомъ кружкѣ».

Тверь. На желѣзнодорожной станціи образовалась постоянная труппа любителей, подъ управл. гг. Мазаракія и Волкъ. Первымъ спектаклемъ идетъ «Мирская вдова».

Архангельскъ. Драма. Антреприза В. А. Крамолова. Составъ труппы: женскій персоналъ: г-жи Т. С. Даргомыжская, А. И. Малаксанова, М. Э. Тивольская, А. И. Пименова, Р. И. Полторацкая, Н. Ф. Сербская, М. И. Федорова и И. И. Борисова. Мужской персоналъ: гг. Г. П. Ростовъ, С. А. Колосовскій, Н. И. Стрѣльниковъ, Б. Э. Борисовъ, П. А. Тивольскій, А. Л. Зинovieвъ и В. А. Никитинъ, Г. Д. Рожсковскій, В. А. Крамоловъ, Г. Г. Назарьевъ, М. И. Кригель, И. И. Смирновъ. Режиссеръ труппы С. А. Колосовскій, помощникъ режиссера М. И. Кригель, суфлеръ А. Н. Всеволодскій, декораторъ Б. Э. Борисовъ. Военный оркестръ подъ управленіемъ Н. Г. Карташева.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ. Не откажите помѣстить въ нашемъ уважаемомъ журналѣ нѣкоторыя подробности о поѣздкѣ г. Трефилова. Мы давали спектакли въ слѣдующихъ городахъ: Ревель, Либава, Юрьевъ, Валкъ, Псковъ и Полоцкъ. Обставлены были пьесы въ декоративномъ отношеніи очень плохо (за исключеніемъ Ревеля, гдѣ хорошій театръ и приличная декорация), хотя афиша гласила: *Историческіе костюмы и декорации. Привезены изъ С.-Петербурга отъ Лейферта. Рос-*

кошная и тщательная постановка и обстановка. Въ Полоцкѣ былъ такой курьезъ: выпустивъ афишу «Заката» и видя, что нѣтъ сбора, г. Трефиловъ выпускаетъ анонсъ слѣдующаго содержанія:

Вниманію публики.

Роль честнаго еврея, банкира Кастула въ пьесѣ «Закатъ» исполнить артистъ С.-Петербургскихъ театровъ П. М. Бояровъ.

Но и эта реклама не помогла. «Жидовку» начали со 2-го акта, хотя на афишѣ значилось 5 дѣйств. и 10 картинъ. «Преступленіе и Наказаніе» поставили (осталось 2 актрисы Топоркова и Фанина) безъ Дуни, матери, Свидригайлова, играя всѣ акты въ одномъ павильонѣ.

Наконецъ «Уріеля Акосту» сыграли только 1-й актъ. Случилось это такъ: г. Трефиловъ игралъ двѣ роли, Манассе и Акибу. Послѣ 1-го акта, г. Трефиловъ заявилъ, что играть не будетъ, такъ какъ комикъ не можетъ играть драматическихъ ролей. Тогда рѣшили какъ нибудь кончить спектакль; только бы не было скандала и начать второй актъ съ монолога Юдиои, а 4-й актъ съ отреченія. Но Юдиои—г-жа Фанина отказалась играть безъ Манассе. Тогда актеръ Плесковъ анонсировалъ публикѣ, что, по болѣзни г-жи Фаниной, спектакль продолжаться не можетъ. Но г. Трефиловъ сдѣлалъ другой анонсъ, что Фанина не больна, а по капризу Фаниной спектакль продолжаться не можетъ. Такъ мы «гастролировали».

Когда-же это все кончится, когда?

Аврамій Хмѣльницкій.

Каторжный театръ *).

*(Продолженіе *).*

Дѣйствіе первое.

Глубина сцены завѣшана какимъ-то тряпьемъ.

Справа и слѣва небольшія кулисы, изображающія печь и окно. Но публика не взыскательна, —и охотно принимаетъ это за декорацию лѣса.

Сцена изображаетъ каторжные работы. Трое каторжанъ, долженствующихъ изображать толпу каторжныхъ,—копаютъ землю. Герой пьесы,—почему-то архитекторъ, Василій Ивановичъ Сунинъ,—сидитъ въ сторонкѣ въ глубокой задумчивости.

— Что лѣнливо работаете, черти, дьяволы, лѣшіе. Пора урокъ кончать!—слышится изъ-за кулисы.

Это голосъ надзирателя.

Бьютъ звонокъ и каторжные идутъ въ тюрьму.

— Пойдемъ баланду хлебать!—Что сидишь?—говорятъ они „Василію Ивановичу“.

— Сейчасъ, братцы, ступайте! Я васъ догоню,—отвѣчаетъ онъ.

„Василій Ивановичъ“,—его изображаетъ все тотъ же Сокольскій, главный артистъ труппы,—„Василій Ивановичъ“ тяжело вздыхаетъ.

— И такъ все впереди. Кандалы, работа, ругань, наказанія! Ничего свѣтлаго, ничего отраднаго. На всю жизнь! Вѣдь я вѣчный каторжникъ. Вѣжать? Но куда? Кругомъ лѣсъ, тайга! Бѣгу! Лучше голодная смерть, лучше смерть отъ хищныхъ звѣрей, чѣмъ такая жизнь! Разобью кандалы и бѣгу, бѣгу.

Василій Ивановичъ снимаетъ кандалы и... и вотъ ужъ этого-то ме нѣше всегоможно было бы ожидать...

Съ изумленіемъ, съ испугомъ, оглядываюсь на „публику“.

— Да что это?

Каторга раздражается гомерическимъ хохотомъ... Хохочутъ просто надъ тѣмъ, какъ легко снятъ кандалы.

— Прощайте, кандалы! Васъ никто больше носить не будетъ! Я васъ разбилъ!—говоритъ Василій Ивановичъ,—прощай, неволя!

*). См. № 46.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЯ АРТИСТКИ.

Г-жа Лермина.
(Нижній-Новгородъ).

Г-жа Строева-Сокольская.
(Саратовъ).

И уходитъ.

Дѣйствіе второе снова должно изображать дѣсь. Накрывшись халатомъ, спитъ каторжанинъ. Озираясь кругомъ, входитъ Василій Ивановичъ.

— Убѣжалъ отъ погони! Гнались, стрѣляли! Убѣжалъ,—но что будетъ со мной? Чѣмъ прикрою свое грѣшное тѣло, когда даже и халата у меня нѣтъ?

Въ это время онъ замѣчаетъ спящаго арестанта.

— Усталъ, бѣдняга, измаялся и заснулъ, гдѣ работалъ, на сырой землѣ... Взять, нешто, у него халатъ... у него, у своего же брата...

„Василій Ивановичъ“ становится на колѣни передъ арестантомъ. Публика начинаетъ хихикать.

— Прости меня, товарищъ, что краду у тебя послѣднее. Спрашивать съ тебя стануть, мучить тебя! Своимъ тѣломъ, кровью своей придется тебѣ расплачиваться за этотъ халатъ... Но что-жъ дѣлать? Я долженъ позаботиться о себѣ. Ты бы тоже самое сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ.

„Василій Ивановичъ“ снимаетъ со спящаго товарища халатъ.

Въ публикѣ... гомерическій хохотъ.

— Вицъ его! Вицъ! въ какомъ-то изступленіи оретъ „образованный“ зритель.

Для нихъ это только забавно. Они хохочутъ надъ „дядей Сараемъ“ (*), который спитъ и не слышитъ, что у него отнимаютъ послѣднее. Для нихъ это ловкая кража,—и только.

Внѣшность, одна внѣшность,—о сущности, казалось бы, такой близкой, понятной и трогательной душе,—не думаетъ никто.

Дѣйствіе третье.

Сцена должна изображать домъ богатаго сибирскаго купца Потапа Петровича.

Къ нему-то и является „Василій Ивановичъ“.

— Примите странника! робко останавливается онъ у порога.

— Милости просимъ, добрый человекъ,—необыкновенно радушно принимаетъ его сибирскій купецъ,—раздѣвайтесь, садитесь. Не хотите ли чаю съ дороги?

— Благодарю васъ, что не погнушались принять меня!—отвѣчаетъ „Василій Ивановичъ“,—и подожду пока вы будете обѣдать.

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Вообще, купецъ отличается въ разговорахъ съ „Василіемъ Ивановичемъ“ необыкновенной внимательностью. Спрашиваетъ—какъ зовутъ и, только извинившись, задаетъ вопросъ:

— Куда путь держите, Василій Ивановичъ.

— Мой путь лежитъ на всѣ четыре стороны,—отвѣчаетъ со вздохомъ бѣглый каторжникъ,—иду жить не съ людьми, со звѣрьми. Съ людьми я не ужился.

— Я вижу, вы много горя приняли, Василій Ивановичъ?

— Не стану скрывать отъ васъ Потапъ Петровичъ,—я бѣглый каторжникъ, кандалникъ, изъ тюрьмы бѣжалъ!—онъ встаетъ со скамьи.—Быть-можетъ, прогоните меня послѣ этого? Сидѣть погнущаетесь съ бродягой? Скажите—я уйду!

— Что вы, что вы, Василій Ивановичъ! Прошу васъ и не думать объ этомъ.

Василій Ивановичъ рассказываетъ свою исторію. Какъ онъ былъ архитекторомъ, какъ поссорился съ отцомъ, какъ отецъ въ ссору хотѣлъ его убить.

— Тогда я взялъ со стѣны ружье и...

Василій Ивановичъ умолкаетъ.

— Въ такомъ случаѣ (!) говоритъ купецъ,—прошу васъ, Василій Ивановичъ, остаться жить въ моемъ домѣ. Живите, пока понравится.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?—отвѣчаетъ растерянный каторжникъ.

Въ эту минуту вбѣгаетъ дочь купца.

— Ахъ! восклицаетъ она въ сторону,—кто этотъ незнакомый человекъ? При видѣ его сильно забилось мое сердце. Я полюбила его.

*) Такъ арестанты называютъ „простофилю“, „розинку“.

Адскій, невѣроятный хохоть всей публики сопровождается эту нѣжную тираду.

Да и нѣтъ возможности безъ смѣха смотрѣть на ее,—каторжнаго Абрамкина, изображающаго купеческую дочь, въ сарафанѣ до колѣнъ, съ рукавами по локоть. Онъ и самъ чувствуетъ, что это должно быть „чудно“ и улыбается во всю ширину своей глуповатой, добродушной, кирпичемъ подрумяненной, физиономіи. Любой мрачный меланхоликъ умеръ бы со смѣху при видѣ этой нескладной, долговзлой, удивительно пелѣпой фигуры. Да еще съ такими нѣжными словами на устахъ!

— Позвольте вамъ представить, Василий Ивановичъ, мою единственную дочь! говоритъ купецъ, — Вареньку! Нашъ гость—Василій Ивановичъ.

— Папаша, обѣдъ готовъ, заявляетъ „Варенька“, раскланиваясь подъ неумолкающій хохоть съ „Василіемъ Ивановичемъ“.

Дѣйствіе четвертое.

Бѣжать, бѣжать я долженъ отсюда! говоритъ Василій Ивановичъ,—я чувствую, что здѣсь мои мученія становятся сильнѣе. Я полюбилъ Вареньку.. Я, ссыльно-каторжный, бродяга, котораго каждую минуту могутъ поймать, заключить въ тюрьму, отдать палачу на истязаніе. О, какое мученіе!

Онъ беретъ котомку.

— Куда вы, Василій Ивановичъ? спрашиваетъ его вошедшая Варенька.

— Прощайте, Варвара Потаповна, кланяется онъ,—я ухожу отъ васъ. Пойду искать... не счастья, нѣтъ! Счастье мнѣ не суждено! Смерти пойду я искать.

— Зачѣмъ вы говорите такъ? перебиваетъ его „Варенька“, — вы много видѣли горя? Вы никогда мнѣ не говорили, кто вы, откуда къ намъ пришли. И папенька мнѣ запретилъ спрашивать васъ объ этомъ. Почему?

— Это я никому не могу сказать!

— Никому? Даже вашей женѣ?

— Зачѣмъ вы сказали такое слово? утирая слезу, говоритъ Василій Ивановичъ. — Вы смѣтаетесь надъ бѣднякомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сказала это не просто, не для смѣха. Я люблю васъ, Василій Ивановичъ,—я полюбила васъ съ перваго взгляда. Мнѣ вы можете сказать, кто вы такой.

— Такъ слушайте же! съ отчаяніемъ произноситъ „Василій Ивановичъ“,—передъ вами тяжкій преступникъ, отцеубійца! Бѣгите отъ меня, я каторжникъ, я кандалникъ! Я... Я... убилъ родного отца!

— Ахъ! вскрикиваетъ „Варенька“ и, подъ хохоть публики, падаетъ въ обморокъ.

— Я убилъ и ее!—ломаю руки говорить бѣглый каторжникъ.

— Нѣтъ, я жива! — очнувшись, отвѣчаетъ она.— Прошу васъ, не уходите, подождите здѣсь одну минуту!

Вы, конечно, догадываетесь о концѣ.

— Моя дочь сказала мнѣ все! Она любитъ васъ и согласна быть вашей женой!—говоритъ вошедшій отецъ.—Василій Ивановичъ прошу васъ быть ея мужемъ!

— И для несчастнаго суждена новая жизнь!—Этими словами „Василія Ивановича“ подъ аплодисменты публики заканчивается пьеса.

Это излюбленная пьеса каторги, ея дѣтище, ея греза. Пьеса, въ которой сказались всѣ мечты, всѣ надежды которыми живетъ каторга.

Въ ней все нравится каторгѣ. И удачное бѣгство, и то что бѣглый каторжникъ находитъ себѣ счастье, и то, что „порядочные люди“ говорятъ съ нимъ вѣжливо „на вы“, какъ съ человѣкомъ, и то, что

есть на свѣтѣ люди, которыхъ не отталкиваетъ отъ падшаго даже совершенное имъ тягчайшее преступленіе.

Люди, которые видятъ въ преступленіи—несчастье, въ преступникѣ—человѣка.

Послѣ этой пьесы, гдѣ нѣтъ ничего бутафорскаго, гдѣ все настоящее: каторжные, кандалы, халаты,—мы, конечно, не станемъ смотрѣть „разбиванія камня на груди“ и прочихъ прелестей программы.

Пройдемъ за кулисы. За самыя оригинальныя кулисы въ мірѣ!

В. М. Дорошевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Поздняя осень“.

(Р а з с к а з ъ).

I.

Московскій первой гильдіи купецъ Виссаріонъ Степановичъ Отростковъ пріѣхалъ въ Петербургъ курьерскимъ поѣздомъ и остановился въ гостинницѣ на большой Морской.

Высокій, плечистый, тяжеловѣсный, съ необыкновенно цвѣтущимъ широкимъ лицомъ, обросшимъ прямыми русыми волосами, съ густыми бровями и глубокой переносицей, онъ представлялъ изъ себя весьма замѣтную фигуру и, не смотря на то, что въ Петербургъ пріѣзжалъ всего два три въ годъ, въ гостинницѣ былъ хорошо извѣстенъ. Извѣстности этой, впрочемъ, способствовало и то обстоятельство, что у Отросткова въ Москвѣ было огромное дѣло, дававшее ему не одну сотню тысячъ дохода.

Съ виду, однако, не смотря на свои крупные размеры и богатую шубу, онъ совсѣмъ не походилъ на купца. Лицо у него было хмурое и серьезное, съ такимъ задумчивымъ выраженіемъ, какъ будто онъ всегда рѣшалъ какую нибудь головоломную задачу; говорилъ онъ мало, неохотно, скупо выдавая слова и выпуская ихъ по одному, съ изрядными промежутками, какъ будто каждое слово, прежде чѣмъ сказать его, онъ взвѣшивалъ и осматривалъ—въ полномъ ли оно порядкѣ. И слова его, произнесенныя густымъ басомъ, казались тяжеловѣсными, какъ золото.

Въ Петербургѣ у него были кое-какія дѣла, но, вымывшись и приведя себя въ порядокъ, онъ не поѣхалъ сейчасъ справлять ихъ, а взялъ газету и внимательно прочиталъ на первой страницѣ объявленіе объ открывшейся въ этотъ день небольшой художественной выставки. Объ этой выставкѣ онъ зналъ еще въ Москвѣ и теперь только хотѣлъ убѣдиться въ томъ, что она дѣйствительно открылась. Мѣсто выставки было обозначено въ какомъ то вновь отстроенномъ залѣ, въ которомъ онъ никогда еще не бывалъ. Онъ позвонилъ лакею, спросилъ его, гдѣ этотъ залъ и велѣлъ нанять хорошаго извозчика. Минутъ черезъ десять онъ уже мчался на выставку.

Онъ считалъ своимъ долгомъ быть на ней однимъ изъ первыхъ. Въ Москвѣ у него, въ новомъ домѣ, который онъ выстроилъ лѣтъ пять тому назадъ, собралась уже порядочная коллекція картинъ. Въ прежнее

времени у него не было никакого вкуса къ картинамъ, но какъ-то разъ случайно купилъ онъ три штуки и, когда повѣсилъ ихъ, ему, человѣку одинокому и мрачному, часто страдавшему тоской, стало весело глядя на нихъ. Это дало ему охоту покупать картины еще и съ тѣхъ поръ онъ не пропускалъ ни одной выставки.

Сперва онъ дѣлалъ крупныя ошибки, платя деньги за вещи слабыя, но понемногу наострился и теперь ужъ почти безошибочно отличалъ добро отъ зла. Въ этомъ, конечно, помогало ему приобрѣтенное опытомъ знаніе извѣстныхъ именъ.

Кромѣ того, онъ за движеніемъ въ искусствѣ слѣдилъ по газетамъ и журналамъ, отмѣчалъ въ своей памяти всѣхъ новыхъ художниковъ, которые чѣмъ нибудь отличились, словомъ стоялъ au courant и смотрѣлъ уже на себя, какъ на знатока.

Устроителя этой небольшой выставки онъ лично зналъ, встрѣчался съ нимъ каждый годъ; онъ купилъ при его помощи ужъ не одну картину для своей галлерей. Были у него знакомства также и среди художниковъ, и вообще Отростковъ въ этомъ мірѣ пользовался уже извѣстностью: у него была репутація покупателя,—не самой первой руки, но все же солиднаго, такъ какъ съ каждой выставки онъ что нибудь увозилъ.

Но сейчасъ онъ не разсчитывалъ видѣться ни съ кѣмъ; онъ хотѣлъ только сдѣлать бѣглый осмотръ, намѣтить для себя кой-что; а окончательно рѣшить завтра. Конкуренціи онъ не боялся: не очень то раскупаютъ у насъ картины. Еще плохія, а потому дешевыя, идутъ сносно, но хорошая картина (а потому дорогая) на выставкѣ стоитъ безъ блага билетика дольше всѣхъ.

И вотъ, онъ вошелъ въ залъ, въ которомъ еще пахло краской, но не отъ картинъ, а отъ недавно выкрашенныхъ дверей и колоннъ. Онъ купилъ каталогъ, но тотчасъ же спряталъ его въ карманъ, чтобы дома на свободѣ разсмотрѣть его. Картинъ было немного,—меньше сотни, а публики совсѣмъ мало. Было просторно и вольготно. Большая часть картинъ ему не нравились, но попадались и интересныя; онъ замѣчалъ и шелъ дальше.

„Ну,—подумалъ онъ, въ какія нибудь двадцать минутъ осмолтрѣвъ выставку,—тутъ не грозитъ раззореніе; двѣ—три картины, пожалуй, куплю, но не больше“.

Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, въ надеждѣ увидѣть кого нибудь изъ знакомыхъ; но не встрѣтилъ никого, должно быть потому, что былъ еще ранній часъ. Тогда онъ вышелъ и, съ чувствомъ человѣка, совершившаго свое главное дѣло, сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Ему надо было спѣшно побывать въ трехъ мѣстахъ, что онъ и сдѣлалъ; затѣмъ заѣхалъ къ Кюба, встрѣтилъ здѣсь дѣловыхъ знакомыхъ и позавтракалъ съ ними; а затѣмъ поѣхалъ домой отдыхать.

Теперь, на свободѣ, разлегшись на диванѣ, онъ развернулъ каталогъ и сталъ изучать его. По названіямъ онъ припомнилъ сюжеты и самыя картины. Въ каталогѣ для каждой картины была представлена цѣна, и эти цѣны приводили его въ негодованіе.

„Экъ, цѣны—то какія стали нынче назначать! Думалъ онъ:—все сотни, а то и за тысячу переваливаетъ. И за что? Въ сущности вѣдь ни одной сколько-нибудь замѣчательной картинки. И художники все народъ молодой. Ни—у кого нѣтъ звонкаго имени, а цѣны звонкія... Ну, прибавлялъ онъ потомъ успокоительно:—это должно быть для случайныхъ покупателей, а для меня цѣны будутъ другія. Мнѣ не грѣхъ и торговаться. Знаемъ мы тоже вашего брата-художника. Иной для важности тысячи

двѣ запросить, а походи около него, да главное—деньги-то, деньги покажи ему, такъ за семь радужныхъ отдастъ. Цѣна, она что? Цифра,—такъ цифру-то какую угодно можно проставить,—пиши ее, она не кричитъ. А радужная, ежели она у тебя въ рукахъ—она тебѣ улыбается и обѣщаетъ и то и се. Словомъ сказать на счетъ цѣны—это мы посмотримъ...“

Но внимательно изучая каталогъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія цѣнъ, Виссаріонъ Степановичъ вдругъ до того былъ изумленъ, что даже приподнялся и сѣлъ на диванѣ. Въ каталогѣ стояло: Аспидовъ Веніаминъ: „Поздняя осень“. Пять тысячъ рублей.

ФРАНЦУЗСКАЯ ОПЕРЕТКА.

Тріо изъ «Вероники».

Пуже.

Реньяръ.

Ж. Пети.

— Пять тысячъ рублей! вслухъ пробасилъ Отростковъ... „Поздняя осень“... Аспидовъ... Пять тысячъ рублей... Да что же это за „Поздняя осень“ такая, что стоитъ пять тысячъ рублей, а я ее и не замѣтилъ? И что за птица этотъ Аспидовъ? Въ первый разъ слышу... А впрочемъ... впрочемъ... Нѣтъ, что-то было его... Въ Москвѣ, кажется. Но вѣдь никто тогда о немъ ничего не говорилъ. Такъ, пейзажикъ какой-то незначительный, и—вдругъ пять тысячъ.

И Отросткова охватило настоящее волненіе спортсмена. Онъ поднялся и тяжело ступая по ковру, заходилъ по комнатѣ.

А волненіе все усиливалось. Чортъ возьми, ну ежели онъ ничего не понимаетъ? А ужъ, кажется, насмотрѣлся всякихъ картинъ и привыкъ отличать хорошую отъ дурной. Вѣдь ничего-же, ничего тамъ такого не было... Тѣ, что онъ отмѣтилъ для покупки, были жанры и цѣна имъ христіанская.

Да вотъ онъ въ каталогѣ стоятъ: одна называется: „Уравненіе съ двумя неизвѣстными“,—блѣдный гимназистъ рѣшаетъ задачу на уравненія; онъ изгрызъ карандашъ и ничего у него не выходитъ. Ей цѣна девятьсотъ рублей. Дорого, но все же доступно. Другая называется: „Остановись мгновенье“,—четыре винтера за столомъ; двое заказали большой шлемъ и остались должно быть безъ семи, другіе двое торжествуютъ... Что-то въ этомъ родѣ. Цѣна семьсотъ пятьдесятъ, тоже можно разговаривать. Но „Поздняя осень“—пять тысячъ рублей... Никакой поздней осени онъ не замѣтилъ.

И волненіе спортсмена до того овладѣло имъ, что онъ схватилъ шапку и, не смотря на свой тяжелый вѣсъ, быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, потребовалъ у швейцара шубу, выбѣжалъ на улицу, сѣлъ въ сани своего извозчика, который былъ нанятъ на цѣлый день, и онятъ покатилъ на выставку.

Было больше двухъ часовъ дня; въ вестибюлѣ густо другъ около друга висѣли пальто—дамскія и мужскія. „Ого, подумалъ Отростковъ, теперь ужъ полно...“

Онъ вошелъ. Народу дѣйствительно было много и все публика элегантная, одѣтая больше, чѣмъ прилично. Тамъ и здѣсь около картинъ стояли группы. Между прочимъ изрядная группа стояла около выбранной имъ картины: „Остановись мгновенье“. Картина явилась. Ну, да не даромъ-же онъ и выбралъ ее. Онъ все-таки кое что понимаетъ. Онъ шелъ и присматривался къ нумерамъ, отыскивая цифру 27. Это былъ номеръ „Поздней осени“. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣтилъ небольшую кучку публики и взглянулъ. Ва! да это и есть двадцать седьмой номеръ.

Дѣйствительно, это было произведеніе Аспидова. Четыре господина и три дамы молча стояли около картины. Одни съ совершенно равнодушнымъ видомъ, какъ стояли они только что около другихъ картинъ, другіе со вниманіемъ. У одной пожилой дамы въ рукахъ былъ каталогъ и она какъ-то недоувѣрчиво смотрѣла то въ него, то на картину. Остановился и сталъ смотрѣть и Отростковъ.

Картина была въ ариинтъ шириною, въ довольно обыкновенной золоченой рамѣ. Пасмурный день; на первомъ планѣ—лука; дальше—деревья съ красноватыми листьями, на половину уже опавшими; на вѣткѣ сидитъ ворона,—вотъ и все.

Въ чемъ же дѣло? Конечно, подробности ничего не значать. Можно одинъ воздухъ, одно облачко написать такъ, что за него тысячи заплатятъ. Но тутъ Отростковъ ничего такого не находилъ. На его взглядъ, картина была не плоха; но совершенно ординарна. Онъ смотрѣлъ и пожималъ плечами. Дама чему-то дивилась молча; потомъ не выдержала и сказала, ни къ кому не обращаясь:

— Пять тысячъ стоитъ... Какая страшная цѣна!

— Неужели пять тысячъ? спросилъ господинъ въ очкахъ, стоявшій за ея спиною.

— Пять тысячъ! отвѣтила дама и ткнула пальцемъ въ каталогъ.

Она замолчала и господинъ въ очкахъ тоже не продолжалъ разговора; но зато придвинулся къ картинѣ другой господинъ безъ очковъ, но съ огромной лысиной. Онъ долго смотрѣлъ въ упоръ на произведеніе Аспидова и сказалъ:

— Да... Воздухъ... Воздухъ того... Дѣйствительно... Такъ, знаете, осеннимъ холодкомъ и вѣетъ...

Отростковъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ. На него отъ картины ничѣмъ не вѣяло. Онъ пожалъ плечами и отошелъ.

Теперь онъ сталъ искать устроителя выставки или кого-нибудь другого, прикосновеннаго къ дѣлу. Въ толпѣ это трудно было сдѣлать, но ему это было необходимо. Онъ, какъ истый спортсменъ искусства, уже не могъ выйти отсюда, не получивъ разъясненія. И онъ заглядывалъ во всѣ углы. Наконецъ, спросилъ сторожа, — здѣсь-ли господинъ Бамбуковъ?

— А вонъ, вонъ они сейчасъ пробѣжали! отвѣтилъ сторожъ, указывая на средину залы, и Отростковъ дѣйствительно увидѣлъ тамъ толкій и жилистый затылокъ Бамбукова, организатора выставки и негласнаго комиссiонера по части продажи картинъ.

Теперь ужъ, не обращая вниманія на публику, толкая всякаго, кто попадался на пути и готовый даже раздавить того, кто оказалъ-бы ему сопротивленіе, Виссаріонъ Степановичъ началъ преслѣдовать

толкій и жилистый затылокъ, который все удалялся куда-то въглубь. Наконецъ, онъ настигъ Бамбукова и схватилъ его за рукавъ.

— А, почтеннѣйшій Виссаріонъ Степановичъ! радостно воскликнулъ Бамбуковъ звучнымъ горловымъ теноркомъ.—Изъ Москвы пожаловали? Сдѣлали намъ честь?... Очень пріятно.

— Я по дѣламъ! отрывисто отрубилъ Виссаріонъ Степановичъ.— Но между прочимъ посѣтилъ... Да у васъ ничего нѣтъ... достойнаго...

— Какъ ничего нѣтъ? Что это вы, Виссаріонъ Степановичъ? Сколько угодно! выставка замѣчательная... Прямо замѣчательная! Что ни номеръ, то оригинальность...

— Спорить не буду! прогудѣлъ Отростковъ, — а вотъ что: что это за Аспидовъ такой?

— Аспидовъ — художникъ. Аспидовъ — талантъ... У насъ всѣ таланты... А вы не согласны?

— Да я не спорю... Только какая-же ему цѣна?

— А цѣна скромная. Цѣна написана. У насъ всѣ цѣны написаны... У насъ на чистоту.

— Да чистота-то ваша очень ужъ дорогая? Пять тысячъ, помилуйте... Рафаэль онъ, что-ли?

— Пять тысячъ... Гм... Пять тысячъ... какъ-то неопредѣленно промолвилъ Бамбуковъ и, если-бы Отростковъ не такъ былъ занятъ сущностью дѣла, то замѣтилъ-бы, что въ первыя двѣ—три секунды въ глазахъ Бамбукова выражалось полное недоумѣніе. Но хитрый Бамбуковъ сейчасъ-же недоумѣніе это обратилъ себѣ въ пользу или, во всякомъ случаѣ, понялъ, что не надо выпускать изъ рукъ хорошаго случая.

— А отчего-же-бы и не пять тысячъ? спросилъ онъ уже болѣе увѣреннымъ тономъ и, какъ-бы мимоходомъ, прибавилъ:—это вы въ каталогѣ?..

— Ну, да, въ каталогѣ. Написано. Вотъ...

— Ага...

Бамбуковъ взялъ каталогъ и взглянулъ на цифру. Опять въ его глазахъ появилось колебаніе, потомъ умственное напряженіе, а затѣмъ вдругъ непоколебимая увѣренность.

— Совершенно вѣрно, Виссаріонъ Степановичъ: пять тысячъ! сказалъ онъ и посмотрѣлъ Отросткову въ глаза съ такой прямою и убѣжденностью, въ которыхъ нельзя было сомнѣваться.

— Послушайте, однако, да вѣдь картина ничего не представляетъ! сказалъ Отростковъ.

— Гм... Представляетъ, Виссаріонъ Степановичъ!.. Представляетъ „Позднюю осень“, не болѣе и не менѣе...

— Но ничего особеннаго... Вѣдь я же смотрѣлъ ее.

— Смотрѣли и не видѣли, Виссаріонъ Степановичъ, а вотъ пойдете-ка посмотримъ вмѣстѣ и вы увидите совсѣмъ другую картину; совсѣмъ другую, Виссаріонъ Степановичъ...

И онъ повлекъ Отросткова къ 27 номеру. Публика, утомленная картинами, останавливалась и смотрѣла на то, какъ маленький, худенькій, юркій человечекъ грудью прокладываетъ путь, таща за собой громоздкаго тяжеловѣснаго мужчину съ мрачнымъ и серьезнымъ лицомъ. Такъ маленький пароходикъ, свистя и шипя, храбро разсѣкаетъ волны, таща позади себя цѣлый караванъ неуклюжихъ барокъ.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Торжеств. засѣданіе въ память Мочалова.

А. А. Ярцевъ читаетъ біографію П. С. Мочалова.

Рис. А. А. Ростиславова.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

На-дняхъ, скончался отъ разрыва сердца Артуръ Сеймуръ Сьюливанъ, извѣстный композиторъ оперетки «Микадо». Артуру Сьюливану недавно исполнилось 58 лѣтъ. Музыкальное образование онъ получилъ въ королевской музыкальной академіи въ Лондонѣ и въ королевской консерваторіи въ Лейпцигѣ. Вскорѣ послѣ окончанія лейпцигской консерваторіи онъ былъ назначенъ профессоромъ композиціи въ англійской національной музыкальной школѣ, а затѣмъ, въ королевской музыкальной коллегіи. Его музыкальныя произведенія пользуются весьма заслуженной извѣстностью; онъ работалъ въ самыхъ разнообразныхъ музыкальных областяхъ. Извѣстны его оперы, кантаты, оркестровыя произведенія, романсы и церковныя пѣсни. Его первымъ музыкальнымъ произведеніемъ была оркестровая иллюстрація къ шекспировской «Бурѣ» (въ 1861 г.). Извѣстнѣйшее его произведение—японская оперетка «Микадо». Эта оперетка впервые была поставлена въ 1885 году и, затѣмъ, шла на всѣхъ большихъ и маленькихъ сценахъ, всюду пожиная обильные лавры. Въ Берлинѣ имѣли также большой успѣхъ оперы Сьюливана «Золотая легенда» и «Гондольеры».

«Снѣгурочка» Островскаго переводится на сербскій языкъ и пойдетъ въ этомъ году на сценѣ королевскаго театра въ Бѣлградѣ.

4-го октября, въ Парижѣ состоялось скромное торжество открытія памятника Шопену. Число присутствовавшихъ было очень ограничено. Предсѣдатель комитета для сооруженія памятника Шопену, извѣстный композиторъ Массенъ, прислалъ письмо, въ которомъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ присутствовать на открытіи. Его замѣститель произнесъ подобающую событію рѣчь. Памятникъ поставленъ въ Люксембургскомъ саду, на томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкаются улицы Вавенъ и д'Асса.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КІЕВЪ. Одной изъ названныхъ нами среди женскаго персонала оперныхъ артистокъ (см. № 42 «Т. и И.»)—уже нѣтъ въ труппѣ въ настоящее время. Мы говоримъ о молодой и талантливой пѣвицѣ на колоратурное и лирическое амбула—г-жѣ Генперъ (а не Ганпортъ, какъ было ошибочно напечатано въ упомянутомъ номерѣ «Т. и И.»). Она выбыла изъ труппы кн. Церетели, вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній съ дирекціей. Уѣхалъ также, какъ слышно, и баритонъ г. Каміонскій, кажется, въ Тифлисъ. Составъ уменьшился такимъ образомъ двумя, болѣе чѣмъ полезными членами труппы. Г-жа Генперъ начала свое вокальное образованіе у Котони въ Петербургѣ, провела затѣмъ нѣсколько сезоновъ въ Италіи и пѣла тамъ съ большимъ успѣхомъ, между прочимъ, на главныхъ сценахъ Милана («la Scala»), Неаполя, Рима, Флоренціи, Венеціи и проч. Въ Россію она вернулась лишь текущею осенью по приглашенію кн. Церетели и пѣла поэтому у насъ по-итальянски, за исключеніемъ партіи Маргариты Валуа въ «Гугенотахъ», исполненной по-русски. Г-жа Генперъ—уроженка г. Варшавы, отлично владѣетъ русскимъ произношеніемъ, но привыкла въ Италіи къ репертуару на иностранномъ языкѣ. Если-бъ пѣвица умѣла, такъ сказать, акклиматизироваться среди особыхъ условій русской провинціальной антрепризы, она была-бы цѣннымъ приобритеніемъ для каждой хорошей труппы и, безъ сомнѣнія, скоро овладѣла бы русскимъ репертуаромъ... но ее, повидимому, обратно тянетъ въ Италію. Г-жа Генперъ обладаетъ очень красивымъ по тембру, высокимъ сопрано средней силы. Верхнее ми-бемоль свободно дается ей, напр. въ браурной аріи «Травиаты». Артистка вокализуетъ весьма изящно и легко: особенно хороши, чисты и прозрачны ея гаммы, вверхъ и внизъ, діатоническая и хроматическія, съ усиленіями и безъ оныхъ. Трель слабѣе, кромѣ трели на крайнихъ нотахъ регистра: въ той-же «Травиатѣ» г-жа Генперъ продуцируетъ весьма блестящую трель на верхнемъ до. Въ «стоккато» (вѣрнѣе, въ такъ-назыв. «piccicato») звукъ порою не выходитъ. Пѣвица отлично филируетъ и располагаетъ прекраснымъ мецца-воце, которое, какъ извѣстно, составляетъ такую рѣдкость у провинціальныхъ оперныхъ артистовъ. Они смотрятъ на этотъ пріемъ, какъ на нѣкоторую вокальную контрабанду, мало цѣнимую большинствомъ театралныхъ меломановъ верхнихъ ярусовъ, этихъ ярыхъ поклонниковъ массивнаго звука. Поэтому искусство пѣния «въ полголоса» находится у насъ въ такомъ загонѣ; слушатели съ болѣе тонкими нервами должны ловить моменты, когда пріѣзжая артистка подаритъ ихъ художественнымъ «мецца-воце», взаменъ вѣчнаго крика во всю глотку нашихъ доморощенныхъ вокалистовъ. Много еще воды уйдетъ, пока эти порядки измѣнятся къ лучшему, вмѣстѣ съ подъемомъ эстетическихъ вкусовъ толпы. Но перечисленные нами свойства вокальной техники г-жи Генперъ составляютъ лишь одну сторону ея таланта: другая, не менѣе симпатичная, сторона выражается въ изящной игрѣ, полной искренности и природной граціи. Она принадлежитъ къ типу актрисъ, которыя переживаютъ на сценѣ изображаемые драматическіе моменты, и не довольствуются лишь исполненіемъ условныхъ движеній и жестовъ. Репертуаръ г-жи Генперъ состоялъ, кромѣ уже упомянутыхъ двухъ ролей, изъ партій: Маргариты («Фаустъ») Джильды («Риголетто») и Недды («Паяцы»). Только внезапный отъѣздъ артистки помѣшалъ ей проявить еще шире свое дарованіе на нашей сценѣ: она была бы навѣрно, отличной Татьяной въ «Онѣгинѣ» и Тамарой въ «Демонѣ».

Другая примадонна труппы кн. Церетели попала къ намъ тоже прямо изъ-за границы. Г-жа Терьянъ-Карганова имѣетъ за собою уже многолѣтнюю сценическую опытность: это пѣвица не первой молодости, но съ голосомъ еще хорошо сохранившимся, проявляющимъ лишь незначительныя признаки вибраціи, и то при нѣкоторой форсировкѣ, въ какую порою впадаетъ артистка, увлекаемая своимъ выдающимся темпераментомъ. Голосъ г-жи Каргановой силенъ и драматиченъ по тембру; но главную его особенность составляетъ огромное протяженіе. При достаточной высотѣ, онъ обладаетъ также и низкимъ регистромъ почти контральтоваго характера, такъ что пѣвица беретъ свободно и полнозвучно низкое ля въ аріозо Лизы (5-я картина «Пиковыя дамы») и поетъ партію Карменъ (по-французски) въ оригинальной редакціи для меццо-сопрано. Репертуаръ г-жи Каргановой можетъ служить доказательствомъ ея quasi:—универсальнаго амбула. Она пѣла до сихъ поръ, кромѣ уже названныхъ партій: Аиду, Валентину («Гугеноты»), Синтуцу («Сельская честь»), Леонору («Трубадуръ»), Джильду, Юдию. По основному характеру голоса, г-жа Карганова не должна, конечно, считаться пѣвицей колоратурной: тѣмъ не менѣе ея школа даетъ ей возможность проявлять вокализацию, напр. въ аріи Леоноры, въ «Карменъ» (Сегедилья) и т. п.

Лирическое сопрано г-жа Мелодистъ—мѣстная артистка, сестра находящейся нынѣ на Императорской сценѣ г-жи

Будкевичъ. Поетъ г-жа Мелодистъ весьма музыкально, внимаетъ въ роль какъ въ вокальномъ, такъ и въ сценическомъ отношеніи, владѣетъ обширнымъ репертуаромъ, но при всемъ томъ исполненіе ея выходитъ весьма монотоннымъ, вслѣдствіе преобладающаго заунывнаго оттѣнка въ голосѣ и сдавленнаго головного тембра верхняго регистра. Верхіи эти звучатъ такъ искусственно, какъ будто-бы артистка пѣла цѣлою octave выше. Миниатюрная фигура пѣвицы также не способствуетъ сценической иллюзіи, въ особенности когда ея партнеры оказываются, по сравненію съ ней, настоящими великанами. Какъ единственное чисто-лирическое сопрано труппы, г-жа Мелодистъ поетъ много: она появляется въ партіяхъ Лизы, Татьяны, Тамары, Маргариты («Фаустъ»), Дездемоны («Отелло»), Недды, Маріи («Мазепа»), Марфы («Царская неvěста»), Гальки, Микаелы («Карменъ»).

Въ меццо-сопранномъ амплуа роль примадонны принадлежитъ все еще одной изъ давно извѣстныхъ звѣздъ на горизонтѣ оперныхъ сценъ внутренней Россіи—г-жи Суннербергъ. Эта почтенная артистка и до сихъ поръ не находитъ серьезной конкуренціи со стороны болѣе молодыхъ силъ въ области представительницъ того-же амплуа. Второе меццо-сопрано труппы, г-жа Карпова обладаетъ недурными голосовыми средствами, но, за отсутствіемъ надлежащихъ артистическихъ данныхъ и школы (хотя-бы, напр., въ отношеніи интонаціи) не пошла дальше вторыхъ ролей въ родѣ Филипповны («Евгеній Онѣгинъ»), Полины («Пиковая дама»), Зибелы («Фаустъ»), Маддалены («Риголетто») и проч. У насъ было, впрочемъ, еще одно меццо-сопрано, оставившее труппу послѣ двухъ мало удачныхъ дебютовъ въ партіяхъ Урбана («Гугеноты») и Азучене, («Трубадура») исполненныхъ по италіански г-жей Светаде-Массонъ. Г-жа Суннербергъ прибавила въ текущемъ сезонѣ къ репертуару партій уже извѣстныхъ киевлянамъ въ ея исполненіи (Амнерисъ, Далила, графиня въ «Пиковой дамѣ») еще двѣ новыя, съ которыми она справлялась отлично, а именно: Любаши въ «Царской неvěстѣ» и Любови въ «Мазепѣ». Въ группѣ пѣвицъ — компримарій обращаетъ на себя вниманіе молодая дебютантка г-жа Норина (Пронина въ «Пиковой дамѣ»), г-я одалиска въ «Юдиинѣ»), которой можно, кажется, предсказать болѣе видное положеніе на сценѣ. При счастливой сценической наружности, пѣвица обладаетъ голосомъ и поетъ музыкально. Ея стремленіе къ вокальнымъ оттѣнкамъ носить пока довольно ученическій характеръ и отзывается нѣкоторой аффектаціей. Надлежащая свобода и естественность исполненія явятся вѣроятно, со временемъ. Остальныя двѣ пѣвицы на маленькія роли — г-жи Добыванская и Тихомирова не портятъ ансамбля, хотя первая проявляетъ весьма странный тембръ на низкихъ нотахъ аріозо Ольги въ «Онѣгинѣ»), а вторая рѣшительно не умѣетъ пользоваться своими наличными голосовыми средствами, предоставляя слушателю лишь догадываться о нихъ, но не убѣждаться въ ихъ существованіи. А между тѣмъ, будь у ней пікола — пѣвица эта могла бы пѣть лучше хотя бы тѣ партіи, которыя приходятся на ея долю (Миловзоръ и гувернантка въ «Пиковой дамѣ»), Франсютта въ «Карменъ», Марта въ «Фаустъ», Софія въ «Галькѣ» и т. п.).

Объ остальныхъ до слѣдующаго раза. В. Чечотъ
САРАТОВЪ. Память П. С. Мчалова чествовали, 3 ноября, «Горемъ отъ ума», съ лучшимъ составомъ исполнителей, какой только возможенъ. Знаменитая комедія разыграна не безъ сучка и безъ задоринки; были существенныя недочеты. Но достойно полной похвалы вниманіе, съ какимъ обставлялся этотъ парадный спектакль: за самая незначительныя роли взялись лучшіе артисты, и самые незначительные артисты, видимо, подтянулись. Послѣ «Горе отъ ума» г. Судьбининъ со сцены прочиталъ краткую біографію великаго русскаго трагика, а затѣмъ—апофеозъ; портретъ Мочалова, окруженный всей труппой, вызвалъ торжественное настроеніе въ зрителяхъ; артистъ г. Смирновъ (Д. Э.) прочиталъ собственное, очень удачное стихотвореніе, посвященное «безумному другу Шекспира». Въ артистахъ замѣтенъ былъ «шоддемъ духа»; въ концѣ взбодрился и публика. Къ сожалѣнію, послѣдняя капризная «госпожа» явилась не въ полномъ комплектѣ; ей, видите ли, надоѣло «Горе отъ ума», а Мочаловъ давно умеръ, неинтересно. «Схоронили—позабыли»...

За прошедшія три недѣли мы познакомились съ нѣкоторыми выдающимися новостями драматической литературы: «Накипь», «Братья Карамазовы», «Похожденіе мистера Пиквика», «Памела», «Долли», «За чужой грѣхъ» («Невиновентъ?»), «Слѣдователь». Передѣлка знаменитыхъ «Записокъ Пиквикскаго клуба» сренетована плохо, шла слабо; не хочется и вспоминать объ этомъ вечерѣ. Слабой, «сочиненной» пьеской показался мнѣ «Слѣдователь», и чистѣйшей, тяжело-вѣсной мелодрамой надо признать «За чужой грѣхъ». «Слѣдователь», по крайней мѣрѣ, сыгранъ весьма недурно, благодаря преимущественно гг. Мироновой, Нежданову и Павленкову. А нѣмецкая мелодрама, несмотря на стараніе гг. Строевой-Сокольской, Тереховой и Шумова, и шла плохо, благодаря г. Рафаилу Адельгейму, исполнявшему главную роль. Этотъ артистъ, рассчитывая на успѣхъ рѣжущихъ мелодраматическихъ эффектовъ, поставилъ «За чужой грѣхъ» въ свой бе-

нефисъ, и сыгралъ ее за всѣ свои грѣхи такъ какъ умѣлъ. На «Памелѣ» мнѣ не пришлось быть. Весьма сожалѣю, ибо, говорятъ, что г-жа Строева-Сокольская можетъ считать за главную роль одну изъ лучшихъ въ своемъ репертуарѣ. Артистка ставила «Памелу» въ свой бенефисъ и собрала многочисленную публику. Пьеса, очевидно, имѣла успѣхъ, потому что вскорѣ была повторена. Въ бенефисъ поставлена и комедія съ шведскаго «Долли»; это были «именины» г-жи Тереховой. Симпатичная артистка съ большимъ успѣхомъ изобразила милую героиню въ прекрасно написанной комедіи. Великолѣпенъ въ «Долли» г. Петипа (графъ Шютте) и отлично держится въ неблагодажномъ фонѣ-Раммѣ г. Павленковъ. «Накипь» П. Д. Боборыкина тоже шла въ бенефисъ г-жи Агаревой-Исаровой. Новая вещь заслуженнаго автора къ нашей сценѣ, кажется, не привьется. Очень недурно сыграны почти всѣ главныя роли (Воробьиной, Мосеевой, Переверзева, Воробьина, Горбатовой), но въ самой темѣ пьесы находятся шансы на неуспѣхъ. Уже если осмѣливать декадансъ, символизмъ и моду на нихъ, то нуженъ великій мастеръ, ростомъ съ писателя «Плодовъ просвѣщенія», а не просто почтенный П. Д. Боборыкинъ, даровитый хроникеръ новостей общественной жизни.

Наибольшій успѣхъ имѣли изъ перечисленныхъ новинокъ «Братья Карамазовы». Передѣлка, или, какъ правильно выразился г. Дмитріевъ, ея авторъ, драматическія сцены изъ романа Достоевскаго въ короткое время были повторены два раза. Нѣкоторыя картинкіи изъ знаменитаго произведенія выхвачены удачно для сцены и даютъ хорошее впечатлѣніе. Среди нашихъ артистовъ передѣлка нашла добросовѣстныхъ и способныхъ истолкователей образовъ знакомыхъ по роману. Г. Судьбининъ горячо играетъ Дмитрія Карамазова; гг. Смирновъ и Степановъ вполне удовлетворительные Иванъ и Алеша (въ передѣлкѣ г. Дмитріева имъ дано мало фразъ); г. Неждановъ изъ отца трехъ братьевъ, а г. Наумовскій изъ Смердякова создали чрезвычайно типичныя фигуры. Двѣ главныя женскія роли, Катерины Ивановны и Грушеньки, въ умной и искренней передачѣ г-жи Агаревой, и въ естественной по тону и сильной по темпераменту передачѣ г-жи Мироновой, вышли живыми и отвѣчающими замыслу Достоевскаго.

Серія бенефисовъ продолжается. Въ нашей большой группѣ, имѣющей много первыхъ персонажей, она достаточно велика; бенефисовъ хватитъ, безъ повтореній, до конца сезона. Въ нынѣшнемъ году наблюдается любопытное явленіе, знаменующее, быть можетъ, начало новой эры... Чествуютъ бенефициантовъ цвѣтами, вѣнками, печатными билетами, и меньше всего такъ-называемыми цѣнными подарками. Послѣдніе, какъ замѣчено у насъ охотно подносятся опернымъ, и гораздо рѣже — драматическимъ артистамъ. Безъ сомнѣнія, оперные «соловьи» умѣютъ и большія желанія, умѣютъ группировать около себя сильныхъ мощной поклонниковъ и поклонницъ. Драматическіе артисты — это вѣдь болѣе развитые люди, духовно вооружены гораздо лучше. Итакъ цѣнныхъ подарковъ либо совѣтъ не дѣлалось, либо подносились они рѣдко и ужъ отъ чистаго сердца, безъ примѣси постороннихъ побужденій. Цвѣточныя подношенія слѣданы г-жамъ Тереховой, Строевой-Сокольской, Агаревой. Въ празднованіи ихъ «именинъ» чувствовалось что-то душевное и теплое. Г. Рафаилъ Адельгеймъ, получивъ вѣнокъ и цѣнный подарокъ, а вотъ г. Неждановъ ничего не получилъ. Рафаилу Адельгейму поднесли, М. М. Нежданову только рукописки, но рукописки такъ, какъ двадцати Адельгеймамъ вмѣстѣ. Вся суть — въ сердечности, вызванной только талантомъ и не подогрѣтой ничѣмъ постороннимъ. Сердечно прошли и «именины» г-жи Шебуевой, артистки также крупно, большой, въ своихъ роляхъ незамѣнимой. Были корзины цвѣтовъ и, главное, читался адресъ, покрытый сотнями подписей. Адресы артистамъ у насъ не часты; за свое корреспондированіе въ нашъ журналъ мнѣ пришлось отмѣтить только два: гг. Бородаю и Каширину — и предстоитъ отмѣтить, г. Михайловичу-Дольскому, которому подносятъ въ прощальный спектакль, въ концѣ ноября. Адресъ заявляетъ артисткѣ «сердечную признательность за художественное исполненіе многочисленныхъ ролей (пересчитаны: «Василиса Мелентьева», «Горькая судьяина», «Власть тѣмъ», «Около денегъ», «Типы Островскаго» и др.) и за «эстетическія минуты въ продолженіи многихъ лѣтъ». «Эти лица, — говорится въ адресѣ, — являлись живыми образами въ нашемъ художественномъ исполненіи. Вы не только изображали типы, вы создавали ихъ, и часто невидную, но замѣтную роль своей игрой двигали на главный планъ. Такая игра является вдохновеніемъ, искрой Божіей, которая присуща немногимъ истиннымъ талантамъ». Это было хорошо, потому что справедливо. Ошибку слѣдали бенефицианты гг. Шебуева и Неждановъ въ томъ, что первая не заполнила всего вечера трехактнымъ «Красавцемъ» Дюма (съ прибавленіемъ картины изъ «Царя Бориса»), а второй возобновилъ неоригинальную драму изъ народнаго быта «Въ селѣ Знаменскомъ», гдѣ роль у г. Нежданова — не центральная.

Въ заключеніе сообщу новость. Двѣ недѣли тому назадъ товарищество г. Бородаю, посовѣщавшись, выразило желаніе,

чтобъ гг. Адельгеймы покинули его, признавъ ихъ неподходящими къ дѣлу. Гг. Адельгеймы намекнули на неустойку. Тогда товарищество перестало ихъ услугами пользоваться: дескать, получайте деньги, только не играйте. Гг. Адельгеймы двѣ недѣли получаютъ, и не играютъ. *Постоянный.*

ТИФЛИСЪ. Съ открытія сезона въ казенномъ театрѣ прошло ужъ больше мѣсяца, и силы нашей оперной труппы выисались вполнѣ. О г-жѣ Папаянъ распространяться долго не стану. Эта пѣвица уже давно слѣлалась любимицей тифлисцевъ. Г-жа Астафьева, выступившая въ партіяхъ Анды, Валентины («Гугеноты»), Ярославны («Кн. Игорь»), Амаліи («Баль-Маскарадъ») и Наташи («Русалка»), выказала себя опытной пѣвицей съ красивымъ, звучнымъ и сильнымъ голосомъ. Г-жа Радина также производитъ пріятное впечатлѣніе, только верхи ея голоса нѣсколько рѣзки. О г-жѣ Куницовой я уже писалъ въ прошлой корреспонденціи и могу добавить, что въ колоратурныхъ партіяхъ она неудовлетворительна. Въ ея голосѣ нѣтъ, необходимой для колоратурнаго сопрано, чистоты и легкости въ пассажахъ. Во всякомъ случаѣ насчетъ сопрано мы, такъ сказать, обеспечены. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ контральто и меццо-сопрано. Г-жа Платонова обладаетъ голосомъ сильнымъ, но порядкомъ тронутымъ временемъ, а играетъ она ужъ слишкомъ по-оперному шаблонно. У г-жи Ленской голосъ, если можно такъ выразиться, «безцвѣтный», но артистка она хорошая, исполняетъ партіи и играетъ умно. Что-же касается г-жи Горнотъ и Канцель, то обѣ онѣ чрезвычайно молодыя и неопытныя пѣвицы, чтобы имъ можно было поручать ответственныя партіи. Ничуть не лучше обстоитъ дѣло и съ баритонами. О дебютахъ гг. Лодія и Викторова я уже упоминалъ. Г. Лодія послѣ перваго своего дебюта выступилъ въ партіяхъ Олѣгина, кн. Елецкаго («Пиковая дама») и герцога Бургундскаго («Юланта»), каждый разъ вызывая въ нѣкоторомъ родѣ демонстрацію со стороны публики: одна часть негодуешь, шипитъ и даже свиститъ, а другая хлопаетъ и кричитъ «бисъ». Г. Викторовъ, оправившись немного отъ излишней робости, прилично спѣлъ Невера въ «Гугенотахъ» и недурно кн. Галицкаго въ «Игорѣ». Г. Герасименко остался попрежнему полезнымъ пѣвцомъ,—и только. О г. Свѣтловѣ ниже. Есть въ труппѣ еще баритонъ г. Свириденко, но онъ еще не выступалъ, ибо до сихъ поръ значится больнымъ. Помимо двухъ русскихъ теноровъ гг. Борисенко и Эрнста, въ труппу приглашенъ знаменитый, какъ гласили анонсы, итальянскій теноръ Джероламо Пикалуа, единственный иностраннй пѣвецъ въ текущемъ сезонѣ. Не говоря уже о томъ, что тяготясь къ итальянцамъ въ русской труппѣ, проявляемое дирекціей, нѣсколько странно, титулъ апаменитости къ г. Пикалуа пристегнуть, очевидно, по недоразумѣнію. Впрочемъ, говорить онъ боленъ. Драматическая сторона у г. Пикалуа совсѣмъ «въ умаленіи». Вообще, насчетъ игры труппа нѣсколько слабовата. Играютъ созидательно, создаютъ типы два—три человека; остальные-же пока только «собираются» играть. Насчетъ басовъ въ этомъ году исполнѣ благополучно: г. Горниновъ совершенствуется съ каждымъ годомъ и теперь свободно справляется съ такой трудной партіей, какъ Марсель («Гугеноты»). Г. Дисенко (2 й басъ) обладаетъ мягкимъ, красивымъ голосомъ немного баритонального оттѣка и художественнымъ исполненіемъ выдѣляетъ самую незначительную партію. Въ роли Скулы («Игорь») г. Дисенко былъ прекрасенъ. Жаль, что г. Сибиряковъ, обладающій прекраснымъ голосомъ, такъ неумѣло держится на сценѣ и плохо играетъ.

При такомъ неравномъ составѣ труппы оперы идутъ далеко не всѣ съ одинаковымъ ансамблемъ. Пока лучше всего поставлены въ этомъ сезонѣ оперы «Ромео и Джульетта» и «Дубровский» съ прошлогоднимъ составомъ исполнителей.

23 сентября, послѣ чуть-ли не десятилѣтняго пребыванія въ архивахъ, урѣлъ, наконецъ, подмостки «Русланъ». Поставлена и обставлена опера довольно тщательно. Г. Свѣтловъ изображаетъ Руслана и поетъ эту партію съ чувствомъ. Пѣвецъ иногда слишкомъ злоупотребляетъ открытыми звуками. Кроме того, вредитъ артисту не вполнѣ русское произношеніе. Держится на сценѣ и играетъ г. Свѣтловъ слишкомъ ужъ не изощро. У г-жи Платоновой ни голосъ, ни фигура не подходятъ къ партіи Ратмира: лучшія аріи восточнаго витязя пропали въ ея исполненіи. Г-жа Кунцова добросовѣстно, но блѣдно провела партію Людмилы, а г-жа Радина (Горислава) свою единственную арію поетъ очень колоритно. Финна на первомъ спектаклѣ пѣлъ г. Борисенко, а на послѣдующихъ г. Эрнстъ. Обстановка сборная изъ старыхъ декораций. Вновь написанъ лишь замокъ Наны и слѣлана новая, красная какъ морковь, голова со страшными вращающимися глазами, обросшая черной щетиной,—настоящее пугало для дѣтей.

Съ 1 октября въ театрѣ грузинскаго дворянства должны были начаться драматическіе спектакли при участіи М. В. Дальскаго; но, благодаря тому, что театръ къ сроку не былъ отремонтированъ, труппа цѣлую недѣлю сидѣла безъ дѣла: спектакли навзначались и отменялись нѣсколько разъ за отсутствіемъ электрическаго освѣщенія. Наконецъ первый спектакль («Кинъ») состоялся 8 октября при полномъ сборѣ и очень скудномъ освѣщеніи, а затѣмъ электричество опять зашало, и спектакли прекратились снова на недѣлю. Второй спектакль («Отелло»)

пошелъ лишь 15 октября. Подробности о труппѣ поговорю въ слѣдующей корреспонденціи.

Пенсія.

НАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. Знаменательный день столѣтія со дня рожденія П. С. Мочалова былъ почтенъ и въ нашемъ городѣ скромнымъ торжествомъ въ городскомъ театрѣ. Группою артистовъ, дирекціи М. А. Руджіери, былъ данъ спектакль, одна треть сбора съ котораго предназначалась въ пользу благотворительныхъ учрежденій русскаго театрального общества. Была поставлена комедія Островскаго «Не все коту масленица», разыгранная г-жами Дмитріевой, Алексѣевой, и гг. Заводскимъ, Вельдеманомъ и др.

Въ заключеніе былъ поставленъ апофеозъ. Передъ портретомъ Мочалова, превосходно написаннымъ художникомъ-декораторомъ И. Е. Вельдеманомъ, собралась вся труппа и хоръ. Послѣ небольшого стихотворенія, сочиненнаго и прочтеннаго г. Вельдеманомъ, и оканчивающагося приглашеніемъ почтить память Мочалова вставаніемъ, хоромъ и артистами была исполнена «Слава» Мочалову. Одинъ изъ артистовъ труппы сочинилъ слова къ извѣстной «Славѣ» изъ «Русской свадьбы», и запѣвалъ ихъ. Портретъ Мочалова во весь ростъ былъ поставленъ въ облакахъ и освѣщался бенгальскими огнями. Много разъ по требованію публики поднимали занавѣсъ и повторяли: «Слава тебѣ, великому Мочалову—Слава!»

Х. У. З.

Нынѣшній сезонъ на сценѣ Городскаго театра подвизается опереточно-драматическая труппа подъ управленіемъ г. Руджіери. Въ составъ ея входятъ г-жи Руджіери (каскадная), Террачіано (лирическая), Алексѣева, Дмитріева и Леонардова (въ драмѣ и вторыя роли въ опереткѣ); гг. Рязуновъ (теноръ), Терскій (баритонъ), Завадскій (комикъ); режиссеръ Улихъ, помощ. режис. Монаховъ, суфлеръ г-жа Монахова; администраторъ-управляющій Черновъ, декораторъ Вельдеманъ, оркестръ до 30 чел. подъ управленіемъ г. Шинчекъ, хоръ изъ 20—25 человекъ.

За мѣсяць прошли: «Цыганскій баронъ» (2 р.) (каковыми и были открыты сезонъ 26 сентября), «Продавецъ птицъ», «Птичьи пѣвчія» (2 р.), «Корневильскіе колокола», «Красное солнышко», «Путешествіе въ Китай», «Три Мушкетера», «Ницкій студентъ», «Мартынъ Рулокопъ», «Нитупъ», «Боксачіо», «Синій борода», «Гейша» (3 р.) и «Славный тѣстюшка». Драматическими спектаклями были поставлены «Женитьба» и «Бѣдность не порокъ» (2 р.), при чемъ послѣднее второй разъ безплатнымъ спектаклемъ для учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній. Усѣхомъ у публики пользуются директриса г-жа Руджіери, Террачіано и г. Рязуновъ; не оставляетъ она своимъ вниманіемъ «по заслугамъ» и другихъ, хотя о нихъ до слѣдующаго раза. Улихъ, какъ режиссеръ, занявъ себя съ весьма хорошей стороны, сумѣлъ справиться даже съ хоромъ, на который ранѣе въ оперѣ невозможно было смотрѣть безъ ужаса, а тѣмъ болѣе слушать его. Лучшіе сборы дали «Гейша»—496 р. первый разъ и третій—343 р., «Цыганскій баронъ»—420 р. и «Ницкій студентъ»—218 р. Самыми плохими въ отношеніи сборовъ были драматическіе спектакли, которые дирекція ставить по обязанности, ради полученія казенной субсидіи... Что за несправедливая комедія! Здѣсь нелишнимъ будетъ сказать, что наша публика сама не знаетъ, чего хочетъ: была опера,—не хотѣли ее слушать, кричали: «дай намъ драму»; была драма ее хотѣли и усердно посѣщали благодаря образцовой постановкѣ дѣла, но то и дѣло слышалось: «чотъ, если бы оперетку, давно у насъ не было оперетки». Есть оперетка, и по Камешу болѣе, чѣмъ приличная,—не ходятъ на нее, жалуются на то, что ставятъ все только старье, а поставили изъ новинокъ «Гейшу», затративъ на нее до 500 р., и та не дала ни одного полного сбора, «Славный тѣстюшка» и сборъ—только 177 р., что равно только трети полного сбора.

Такимъ образомъ первый мѣсяць, можно сказать, былъ «сыгранъ въ пустую»: приходъ 3775 р. и расходъ, не считая предварительнаго въ 1817 р.,—3330 р., а, если считать и предварительный, то и съ дефицитомъ свыше тысячи рублей. А тутъ проснулись и любители, спавшіе до сего времени, и ставятъ спектакль за спектаклемъ. Впрочемъ, сравнительно слабые сборы можно объяснить не только невнимательностью и равнодушіемъ публики, но отчасти и высокими цѣнами на мѣста,—такъ что, какъ мы слышали, дирекція подумываетъ о небольшомъ пониженіи ихъ, что можетъ улучшить сборы. Надѣются также на новаго баритона Лутковскаго, котораго ждутъ со дня на день

Alienus.

ТОМСКЪ. Драматическая труппа гг. Каширина и Аярова за послѣднее время поставила цѣлый рядъ пьесъ, прошедшихъ съ ансамблемъ. Шли «Людыпросвѣщенія», «Возчикъ Геншель», «Татьяна Рѣпина», «Идиотъ», «Преступленіе и наказаніе» и друг. Въ «Людахъ просвѣщенія» хороши были гг. Орловъ-Чужбининъ-Ново-Аяровъ, типично исполнившій роль лакея Григорія, и Соколовскій, изображавшій Петрищева. Въ «Возчикѣ Геншель», слѣдуетъ отмѣтить исполненіе заглавной роли г. Бѣлокопъ и роли Ганны—г-жи Смирновой. Г-жа Смирнова—артистка съ дарованіемъ, но у нея большій недостатокъ—слабая мимика Г. Орловъ-Чужбининъ выдвинулся въ «Идиотѣ». Г. Орловъ-Чужбининъ сумѣлъ отгнать духовную красоту кн. Мышкина. Въ «Преступленіи и наказаніи» весьма

типичны были гг. Бѣлоконы—Порфирий Петрович и Раковский—Мармсладовъ. Г. Раковский пользуется у насъ большимъ успѣхомъ. Игра его всегда типична, чужла шаржа, удовлетворительная мимика и знаніе грима. Въ настоящее время начались бенефисы. Пока состоялись два—антрепренера М. И. Каширина и артистки Н. А. Смирновой, поставившей «Татьяну Рѣпину» и выступившей въ заглавной роли. Сборы у обоихъ бенефициантовъ были полныя и публика встрѣчала ихъ шумными рукоплесканіями. Г. Каширину были поднесены два цѣнныхъ подарка и адресъ отъ студентовъ Томскаго университета; г-жѣ Смирновой поднесли корзину цвѣтовъ, перстень и адресъ студенты здѣшняго Технологическаго института. Исполненіе Татьяны Рѣпиной бенефицианткѣ, по нашему мнѣнію, не вполне удалось.

Кромѣ драматическихъ спектаклей, у насъ еженедѣльно въ зданіи общественаго собранія (клуба) даются концерты (по субботамъ) капельмейстеромъ театральнаго оркестра М. И. Малометомъ. Оркестръ сформированъ имъ же изъ мѣстныхъ силъ, онъ же фигурируетъ и въ театрѣ, какъ антрактный. Г. Малометъ—еще молодой человѣкъ, сибирякъ по рожденію, и очень способный. Концерты его, тоже пользуются успѣхомъ и охотно посѣщаются публикой

Всѣмъ Сибирскій.

ПЕНЗА. Сезонъ въ зимнемъ театрѣ открылся 26 сентября. Театръ внутри акцено ремонтированъ старніями антрепренера, г. Бориславскаго, и снабженъ водопроводными кранами и запасными выходами. Составъ труппы: г-жи Анненская, Новикова-Иванова, Лаврова, Пузынскій, Голодкова, Ларина, Михайлова, Прозорова, Яковлева, Ромаданова; гг. Мавринъ, Шуйскій, Орловъ, Травинскій, Лавровъ, Быстровъ, Черновъ, Введенскій, Михайловъ, Прозоровъ, Семченко. Режиссеръ—Мавринъ, помощникъ его—Сыроѣжкинъ. Для открытія шли «Безъ вины виноватые». Г. Мавринъ (Незнамовъ), послѣ второго акта, почувствовалъ себя на столько дурно, что не могъ продолжать, и его роль окончилъ г. Орловъ. Г-жа Анненская съ успѣхомъ выступала затѣмъ въ «Идіотъ» (Настасья Филипповна), въ «Татьянѣ Рѣпиной», въ «Зазѣ» и др. Г. Мавринъ выступилъ во второй разъ въ роли Рахманова («Въ старые годы»). Для дебюта г-жи Новиковой была поставлена граціозная пьеса Ростана «Романтики», въ которой артистка изящно и съ чувствомъ провела роль Сильветы; съ ней дѣлила успѣхъ г. Орловъ (Персина). Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль былъ данъ только одинъ фарсъ «Масоны», который прошелъ весело и оживленно. Изъ исполнителей особенно понравились г. Орловъ и г-жа Голодкова. Послѣдняя обладаетъ живостью. Г. Травинскій выгнулъ не безъ успѣха въ Рогожинъ («Идіотъ»).

ЕЛЕЦЪ. Осенній сезонъ въ Елецѣ открылся спектаклями труппы г-жи Горевой. Были поставлены: «Родина», «Меденъ», «Гроза» и «Марія Стюартъ». Труппа была слабая. Спектакли шли безъ ансамбля и интересъ заключался лишь въ исполненіи самой г-жи Горевой. Матеріальный успѣхъ былъ средній; удачный (почти полный) сборъ былъ на «Маріи Стюартъ». Къ сожалѣнію, это былъ самый слабый спектакль изъ всей серии. Даже г-жа Горева, не смотря на образцовую чистку и должное умѣніе красиво вести сцены, не произвела сильнаго впечатлѣнія. Г-жа Горева была хороша въ роли Магды и съ большою выразительностью играла роль Меденъ. Вслѣдъ за г-жею Горевой начались спектакли малороссовъ подъ управленіемъ Матусина. Это труппа безъ первыхъ персонажей, но съ хорошимъ хоромъ и порядочнымъ оркестромъ. Изъ всей труппы, довольно бездарной, мало-мальски выдѣлялись г. Лучинскій да еще г-жа Долина. Сборы достигли за мѣсяцъ 2300 руб.

Съ 22-го октября начались спектакли драматической труппы, приглашенной дирекціей, подъ управленіемъ И. А. Панормова-Сокольскаго. Первый спектакль далъ полный сборъ. Поставлена была драма Сумбатова «Соколы и Вороны», въ которой сразу выдвинулись и имѣли успѣхъ: Пинормовъ (Зеленовъ), Невѣровъ (Застражаевъ) и Ураловъ (Штопновъ). Женщины были слабѣе. Г-жа Вадимова (Застражаева) имѣла успѣхъ лишь во второмъ спектаклѣ въ роли Клавдіи въ драмѣ «Въ старые годы». Третій спектакль «Денежные тузы» прошелъ при несомлѣемомъ смѣхѣ всего зрительнаго зала. Первые спектакли посѣщаются публикой охотно. Въ репертуарѣ объявлено много новыхъ пьесъ, несшедшихъ въ Елецъ, напр. «Идіотъ», «Преступленіе и Наказаніе», «Новый міръ» (съ полной новой обстановкой) и т. д. и—такихъ старыхъ, какъ напр. «Царь Оедоръ», «Смерть Грознаго» и др.

Надняхъ я посѣтилъ орловскій театръ, и по совѣсти скажу, что труппа слабѣе елецкой. Видѣлъ я «Чайку». Такъ чеховскія пьесы играть нельзя. Коли нѣтъ силъ и нѣтъ умѣнія, то лучше-бы ея нѣтъ и не брать. Самый театръ въ Орлѣ представляетъ собой старое, плохое, некрасивое снаружи зданіе. Мало хорошаго и внутри. Какая-то «убогая роскошь» наряда. Елецкій театръ тоже не красивый снаружи, все же гораздо приличнѣе орловскаго, а внутри производитъ настолько пріятное ласкающее впечатлѣніе, что съ орловскимъ его нельзя даже и сравнивать.

«Азѣ».

КОВНА. Съ 3-го по 19-е октября въ нашемъ городскомъ театрѣ шли слѣдующія пьесы: «Цѣна жизни» и «Дивертисментъ» (3-го), «Домъ сумасшедшихъ» и «Гость» (5-го),

«Отчужденные», («Въ новомъ Гетто») и «Пашки» (6-го) «Отелло» и «Школьная пара» (8-го). «Гибель Содомы» и «Тепла въ домъ—все вверхъ лномъ» (10-го), «На маневрахъ» и «Дивертисментъ» (12-го). «Нѣбать» и «Послѣ думскаго засѣданія» (13-го), «По гривенничку за рубль» и «Задача № 1371» (15-го), «Злая гма» и «Мужъ г-жи Шамбургской» (17-го), «Другъ женщины» и «Тетушка изъ Глухова» (19-го). Сборы средніе.

Остановлюсь на пьесѣ «Отчужденные». Я предполагалъ, что эта новинка привлечетъ массу публики, такъ какъ нашъ городъ населенъ евреями, для которыхъ пьеса эта является яркимъ словомъ въ злополучномъ вопросѣ. Однако, театръ не былъ переполненъ. Объяснилось это тѣмъ, что среди публики эта пьеса болѣе извѣстна подъ названіемъ: «Въ новомъ Гетто». Центральная роль этой пьесы—Яковъ Самуэль была поручена г. Арканову. Артистъ вѣрно понялъ и передалъ характеръ Якови. Его игра заставила много пережить и перечувствовать. Напрасно только г. Аркановъ прибѣгалъ въ концѣ 2 дѣйствія къ такому пафосу. Вѣдь, это похоже на рисовку, на любованіе самимъ собой. Не слѣдуетъ портить чувства мѣры—этого драгоценнаго качества артиста. Вассерштейна игралъ г. Громовъ. Артистъ не утрировалъ, не сгустилъ красокъ, и образъ биржевого агента, вышедъ вполне яснымъ. Г. Медынецъ и г-жа Иволгина, игравшіе родителей Якова, недурно провели свои роли. Также скажу о г. Похилевичѣ въ роли Рейнберга, о г. Свѣтловскомъ въ роли Гелмана и г-жѣ Стругиной (его жнѣ). Г. Чарскій былъ прекраснымъ раввиномъ. Г-жа Сельская въ роли Баби, горничной Гелмана, произвела на меня очень хорошее впечатлѣніе. Небольшую роль свою онъ сумѣлъ передать такъ живо, съ тщательностью въ отдѣлкѣ, что заслуживаетъ быть выдѣленной. Г. Поляковъ и г-жа Погодина и др. были вполне на своихъ мѣстахъ, исключая г-жи Лориной и г. Эрастова. Г-жа Лорина слишкомъ вяло вела свою роль Гермины; многія сцены вышли блѣдны, не отгнѣсны, а между тѣмъ, онѣ характерны. Читка у артистки во многихъ мѣстахъ монотонна. Г. Эрастовъ слишкомъ однообразенъ. Видѣлъ я его въ роляхъ—Мурова, Чарусскаго, Ренгольда и теперь въ роли Вурцлеттера. Вездѣ изображаемый имъ лица—одни и тѣ же. Индивидуальныя особенности этихъ лицъ не обрисованы, не отгнѣнены; они какъ двѣ капли воды похожи одинъ на другого. Ежминутное потряхиваніе головой, незнаніе, куда дѣтъ руки—много портятъ артисту. «Отелло» сошелъ отлично. Г. Чарскій въ заглавной роли произвелъ впечатлѣніе, хотя мѣстами былъ суховатъ. Весьма недурны были г. Громовъ въ роли Брабанціо и г. Яновскій въ роли Яго. Дездемона (г-жа Лорина) вышла безвѣстной. Недурная Эмилія г-жа Погодина. Въ «Гибели Содомы» отмѣчу г. Арканова. Видѣлъ г-жу Хвалынскую Аладу, и г-жу Бартеневу прекрасную Клерхенъ. Закончу свою корреспонденцію. Въ пьесѣ «Нѣбать» наибольшій успѣхъ имѣлъ г. Чарскій въ роли Пескова. Г-жа Хвалынскія очень хорошая Валерія Дмитріевна, г. Эрастовъ оказался недурнымъ Страдинымъ и г-жа Бартенева—хорошей Марусей.

Въ народномъ театрѣ спектакли начались 27-го октября. Для открытія была поставлена «Каширская старина». 12-го октября въ залѣ нашей городской думы состоялся концертъ артистки Императорскихъ театровъ Е. К. Мравининой и артиста русской оперы Н. А. Большакова. Концертъ былъ очень удаченъ.

Н. Мих-ва.

ВЕОДОСІЯ. Въ этомъ году нашъ музыкально-драматическій кружокъ, какъ мы слышали, намѣренъ праздновать свой десятилѣтній юбилей. По этому поводу нельзя не сказать нѣсколько словъ объ этомъ «мученикѣ», ибо постоянные раздоры, интриги, ссоры и всякія другія непріятности создали этому не повинному учрежденію поистинѣ мученическій вѣнецъ.

Родившись 10 лѣтъ назадъ, кружокъ въ первые 2 года своего существованія только и видѣлъ свѣтлые дни. Дѣла его тогда велись лицами, близко стоящими къ музыкальному и драматическому искусству, и на подмосткахъ его, вмѣстѣ съ крупными любительскими силами, подвизались нѣкоторые профессиональные артисты. «Но счастье было такъ не долго» Серьезные дѣятели ушли, ихъ замѣнили другіе. Три года назадъ кружокъ былъ близокъ къ окончательному паденію. Теперь, благодаря усиліямъ небольшой группы лицъ, это симпатичное учрежденіе опять живетъ, хотя далеко не тою живизнью, какою оно начало свое существованіе. Кромѣ очередныхъ вечеровъ, происходящихъ два раза въ мѣсяцъ въ помѣщеніи кружка, даются еще платные спектакли въ городскомъ концертномъ залѣ, причемъ ставятся преимущественно новинки репертуара. Въ настоящее время въ кружкѣ подвизаются двое артистовъ г. и г-жи Мятельскіе, добросовѣстно относящихся къ дѣлу, имѣется полулюбительскій оркестръ и вновь формирующійся оркестръ балалаечниковъ. Есть и пѣвцы. Интересно знать, чѣмъ кружокъ ознаменуетъ свое десятилѣтнее существованіе. Во всякомъ случаѣ намъ остается пожелать, чтобы юбилей этотъ послужилъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы обезпечить дальнѣйшую участь кружка.

Н.о. Правдинъ.

РЯЗАНЬ. Театральный сезонъ у насъ, можно сказать, въ полномъ разгарѣ. Сборы, въ началѣ сезона очень слабые, теперь поправились и въ будніе дни иногда почти полные, какъ это было на «Дамѣ отъ Максима» и «Преступленіи и Наказаніи». Съ 1 октября въ послѣдовательномъ порядкѣ поставлены были: «Чадъ жизни», «Блестящая партія», «Тетенька», «Гувернеръ», «Дочь вѣка», «Девятый валъ», «Суиружеское счастье», «Дамъ отъ Максима», «Соколы и вороны», «Парижскіе нищіе», «Исторія одного увлеченія», «Носъ по вѣтру», «Жизнь за Царя». (Утр. сп.) «Измаилъ» и «Преступленіе и Наказаніе». «Девятый валъ» Смирновой идетъ почти при полномъ пустомъ театрѣ, а «Дамъ отъ Максима» въ будни даетъ дирекція почти полный сборъ. Но что всего страннѣе, такъ это то, что публика уходитъ изъ театра послѣ этой «Дамы» разочарованная, недолюбливая... Вотъ ужъ по истинѣ можно сказать публикѣ: «Tu l'as voulu George Dandin». Жаль было артистовъ, въ особенности г-жу Малиновскую, даровитаго Бѣликовича, которые изъ кожи лѣзали, чтобы хоть нѣсколько ступевать рискованныя положенія. «Преступленіе и Наказаніе» въ передѣлкѣ г. Дельера произвела на нашу публику сильнѣйшее впечатлѣніе. Г-жа Малиновская играла Сою Мармеладову, г. Кривцовъ выступилъ въ роли Раскольникова, г. Бѣликовичъ—отличный Порфирій, чего нельзя сказать про него въ роли Мармеладова. Г. Семеновъ-Смарскій колоритно игралъ Свидригайлова. Н. М. - нъ.

ПАТИГОРСКЪ. Съ 6-го октября у насъ гоститъ товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ Д. А. Гайдамаки. Труппа во главѣ съ извѣстной Ю. С. Шостаковской организована умѣло. Въ восемь пьесъ, которыя были поставлены до настоящаго времени, вошли образцово. Наибольшимъ успѣхомъ пользуются Ю. С. Шостаковская и Д. А. Гайдамака. Первая драматическая артистка съ хорошимъ соприносомъ. Изъ другихъ артистовъ нельзя не отмѣтить гг. Прохорова, Чернова, Коллинга, Криницкаго и Колосова. Стройный, съ хорошими голосами хоръ и неизбѣжные танцоры содѣйствуютъ успѣху. Къ сожалѣнію, театръ далекъ отъ центра города и потому публикѣ, за малочисленностью извозчиковъ, приходится въ полночь возвращаться домой по образу пѣшаго хожденія. Городъ до сихъ поръ не имѣетъ театра и наѣзжающимъ артистамъ приходится тѣсниться въ двухъ частныхъ небольшихъ залахъ съ миниатюрными сценами. Залъ и декорации въ центральной гостиницѣ совсѣмъ обветшалые. Грязный полъ съ давно уже выбитой краской, грязная стѣны и потолокъ, допотопныя копилки—лапы и невообразимо тѣсныя уборныя. Театръ г. Лейцингера чище, свѣтлѣе, большій подборъ декораций, просторныя уборныя (гостиничные номера), но онъ тоже малъ и главное далекъ отъ центра города.

ЧЕРНИГОВЪ. На нынѣшній зимній сезонъ сняла нашъ городской театръ драматическая труппа подъ управленіемъ П. Н. Богданова. И такъ, нѣтъ у насъ ни игривой оперетты, ни той, если можно такъ выразиться, «опереточной драмы», которой пеголяла прошлогодняя драматическая труппа подъ антрепризой Фебера, прославившагося своимъ балаганнымъ репертуаромъ и цирковыми афишами, — ни даже, о Боже, оперы! Не смѣйтесь! У насъ подвизалась въ свое время (4 года тому назадъ) оригинальная «черниговская» опера. О, было много пisku, визгу, отчаянныхъ диссонансовъ и невозможной какофоніи—не было лишь одного—музыки! Зрители въ унисонъ съ хрипящимъ баритономъ готовы были воскликнуть: «Ахъ, дайте, дайте мнѣ свободу!» и безголосый теноръ меланхолическимъ фальцетомъ обращался къ публикѣ: «Куда, куда вы удалились?»

На этотъ сезонъ одна сухая драма безъ всякихъ вокальных приправъ. Обыватель нѣсколько приунылъ: «Нашему брату-человѣку опереточка, охъ, какъ нужна! Знаете-ли, послѣ 20-го такъ бываетъ пріятно...»

До сихъ поръ труппа выгодно отличалась отъ предшествовавшихъ сравнительно хорошимъ репертуаромъ—нѣтъ ни фарсовъ, ни дешевыхъ французскихъ комедій, ни мелодрамъ. Намъ особенно интересовалъ бенефисъ Богданова (комикъ), состоявшійся 24 октября. Ставились «Арказановы» драма кн. Сумбатова. Надо сказать, что Богдановъ—душа труппы, онъ же и режиссеръ. Труппа далеко не отличается ансамблемъ. Тѣмъ больше труда для режиссера, желающаго хорошо поставить пьесу. Драма Сумбатова слушалась съ большимъ интересомъ. Видны старательное изученіе ролей и прочувствованная игра главныхъ персонажей. Бенефициантъ удостоился подарковъ не только отъ публики, но и со стороны товарищей-артистовъ. Позволимъ себѣ надѣяться, что и дальше будутъ ставиться лучшія наши пьесы, и артисты добросовѣстно отнесутся къ изученію своихъ ролей. По договору съ городской управой должно быть дано въ теченіе сезона нѣсколько народныхъ (по очень пониженнымъ цѣнамъ) спектаклей. На-дняхъ будетъ первый изъ нихъ—«Послѣдняя жертва», др. Островскаго. Ежедневны, кромѣ того, бывають спектакли общедоступные (по сравнительно низкимъ цѣнамъ), которые особенно охотно посѣщаются учащимися, ставятся произведенія русскихъ классиковъ.

ХЕРСОНЪ. Зимній сезонъ открылся у насъ 26 сентября. По 15-е октября дано 20 спектаклей, изъ нихъ три утреннихъ по праздникамъ и три общедоступныхъ. Представлены пьесы: «Свѣтитъ да не грѣбеть» — 3 раза, «Казнь» — 3 раза, «Трильби», «Ревизоръ», «Новый міръ» — 2 раза, «Горѣ отъ ума» — 2 раза, «Рабочая слободка», «Лудунки» — 2 раза, «Сумасшествіе отъ любви» — 2 раза, «Горькая судьбина», «Идеальная жена», «Марія Стюартъ» и «Ложа № 6». Сборы въ общемъ средніе. Полные сборы дали: «Свѣтитъ да не грѣбеть» (въ первый разъ), «Казнь», «Трильби» и «Новый міръ». Сравнительно съ прошлогоднимъ сезономъ г. Каширина составъ труппы въ общемъ гораздо сильнѣе и постановка пьесъ въ режиссерской части довольно тщательна. Публика довольно охотно посѣщаетъ театръ, несмотря на двухлѣтній неурожай и безденежье. Драматическіе спектакли предположены до Рождества, къ какому времени г. Ивановскій предполагаетъ дать Херсону итальянскую оперную или опереточную труппу, или же малороссовъ. А. Н. - нъ.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ

съ 21-го ноября по 27-е ноября 1900 г.

Александринскій театръ. 21-го ноября: «Предѣлъ», — «Сотрудники». 22-го: Гимнъ. — «Свѣтитъ, да не грѣбеть». 23-го: «Выгодное предпріятіе». 24-го: «Буреломъ», пьеса. 26-го: утромъ: «Старый закалъ». Вечеромъ: «Биронъ».

Михайловскій театръ. 21-го ноября: «Le Nabab» (1-й абонементъ, spect № 10). 22-го: Гимнъ. — «Вояжъ сказка». 23-го: «Le Nabab». 24-го: «Закалъ». 25-го: «L'autographe», — «La torture». 26-го: утромъ: «Le Misanthrope», — «Les Précieuses ridicules», Репер. съч. П. П. Вейнберга. Вечеромъ: «L'autographe», — «La torture».

Мариинскій театръ. 21-го ноября: «Евгеній Онегинъ». 22-го: «Лебединое озеро». 23-го: «Фра-Дьяволо». 24-го: «Валькирія», оп. 26-го: утромъ: «Князь Игорь». Вечеромъ: «Корсаръ».

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

пьесъ безусловно дозволенныхъ къ представленію по 1 сент. 1900 г.

- 27) Палке сердце—загублена доля. Москва 1900 года.
- 28) Подъ ложемъ. Комедія-фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Ив. Гр. Ярона. Москва 1900 года.
- 29) Послѣдняя греза. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе П. П. Штеллера. Москва 1900 года.
- 30) Преступленіе. (Въ борьбѣ за жизнь). Москва 1900 года.
- 31) Примиреніе. Психологическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи С. Пискарева. Москва 1900 года.
- 32) Промежъ молодомъ ты на ковалдомъ. Москва 1900 года.
- 33) Рабская свобода. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Фульда. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Пальчиковой. Москва 1900 года.
- 34) Рубѣ. Лирическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. Музыка М. М. Ипполитова-Иванова. Москва 1900 г.
- 35) Суворовъ, или нежданннй гость-благодѣтель. Историческая картинка въ одномъ дѣйствіи И. М. Булацель. Москва 1900 года.
- 36) Тяжелый путь. (За рампой). Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ В. Чиликина. Москва 1900 года.
- 37) Укрошеніе тещи. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго Ив. Гр. Ярона. Москва 1900 года.
- 38) Холостые супруги (Le train de plaisir). Переводъ съ французскаго К. П. Ларя. Москва 1900 года.
- 39) Холостячки. Фарсъ въ одномъ дѣйствіи Гулливера и Каземъ Мурата С.-Петербургъ 1900 года.
- 40) Цвѣты запоздалые. Осенній этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Дм. Карышена. Москва 1900 года.
- 41) Эпидемія любви. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ, съ французскаго А. С. Полонскаго. Москва 1900 года.
- 42) Фѣдоръ Григорьевичъ Волковъ, или русскій театръ полтора вѣка назадъ. Пьеса въ двухъ дѣйствіяхъ В. И. Р. и М. В. К. Москва 1900 года.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ЗОЛІАНЪ

новый инструментъ, устраняющій работу пальцевъ играющаго. Темнѣ, сила звука и инструментовка остаются въ полномъ распоряженіи играющаго,—который, только выдвигая регистры, пользуется всѣми этими музыкальными эффектами.

На сколько музыкально исполненіе пьесъ на Золіанѣ можно судить по отзывамъ такихъ знатоковъ музыки, какъ: Ауеръ, Масене, Падеревскій, Сарасате, Колонитъ, Ренке, Галкинъ и другіе.

ЗОЛІАНЫ имѣются въ 225, 300, 400, 550, 600, 900, 1.200 и 1.500 р.

Прейсъ-курантъ и списокъ пьесъ—**бесплатно**.

(Золіанъ въ 300 руб., а такой же съ 3 регистрами 225 руб.).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ: Б. Морская, № 34. Москва: Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

№ 2311. 52-12.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ ГОЛЛЕНДЕРА

ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.

Самыя застарѣлыя мозоли быстро излѣчиваются при употребленіи мозольной жидкости „ГОЛЛЕНДЕРА“, безъ малѣйшей боли. Цѣна флакона 35 коп. за 1 рубль почтою высылаютъ въ Европѣйскую Россію 2 флакона.

Главный складъ лабораторіи Г. Голлендеръ, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13.

Просимъ не смѣшивать съ другими жидкостями, ничего общаго съ нашими неимѣющими.

№ 3322 30-6

Казанская Городская Управа

приглашаетъ лицъ, желающихъ арендовать Казанскій городской театръ на 2-лѣтній послѣ 15-го іюля 1901 года срокъ, сдѣлать ей заявленія объ этомъ не позднѣе 1-го декабря 1900 года. Отъ арендатора требуется хорошая постановка драматическихъ представлений съ 1-го сентября до начала весны, до 1-го мая,—опера.

Было бы желательнѣе, чтобы для выясненія подробныхъ условій антрепризы лица, желающія арендовать театръ, прибыли въ Казань.

№ 3323. 4-3.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ
для смягченіе кожи
ЛИЦА и РУКЪ
КРЕМЪ
АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДІО
МАЛ. ФЛ. 60 К. БОЛ. ФЛ. 1 Р.
ГЛАВНЫЙ СКАДЪ **В. КРЕМЕРЪ**
МОСКВА НИКОЛЬСКАЯ,
Д. БР. ЧИЖОВЫХЪ.

№ 3325 12 2.

Вновь выстроенный концертный залъ „ЛИРА“

въ центрѣ города Николаева, вмѣщающій болѣе 300 стульевъ. кромѣ входныхъ, отдается подѣ **КОНЦЕРТЫ, ВЕЧЕРА** и проч. Съ полнымъ освѣщеніемъ, отопл., каспротомъ и всей прислугой по 25 руб. за вечеръ.

Адресъ: Николаевъ, контора Фефер-беймъ.

Р. S. Принимаю безплатно хлопоты по устройству концертовъ.

1-я награда. Ревель 1900 г.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

за превосходно сдѣланные и недорого стоящіе парики и бороды для театровъ.

ПАТЕНТЪ ЗАЯВЛЕНЪ за № 11806.

РЕКОМЕНДУЕМЪ:

Парики изъ ангорской шерсти отъ . . . 1 р. — к. за шт.

„ изъ волосъ . . . 2 „ — „ „ „

Бороды изъ ангорской шерсти отъ . . . 40 „ „ „

„ изъ волосъ отъ 1 „ 25 „ „ „

Тульи для театраль-ныхъ париковъ собственнаго изобрѣ-тенія отъ . . . 1 р. — к. за шт.

Шерсть для бородъ всѣхъ цвѣ-товъ отъ . . . 4 „ — „ за фун.

Английскій шерстяной крепъ отъ 6 „ — „ „ „

Ө. КРЕНТЦИНЪ.

Рига, Каменная улица, № 13.

Иллюстрированные преісъ-куранты вы-сылаются безплатно.

№ 3327. 3-2.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ
ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕН-ЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая 33.

Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается всадъ.

3321 13-4

ВЪ г. БАКУ

отдается театръ на Великій постъ и Пасху.

Предпочтительно оперѣ или опереттѣ, когорыхъ не было съ Поста 1900 г. Те-атръ отдѣлать заново. Освѣщеніе элек-трическое.

КОЛИЧЕСТВО МѢСТЪ.

Ложъ 29

въ партерѣ 300

„ амфитеатръ 1-го Яруса . . 38

„ 2-го „ 105

на балковѣ 60

„ Галлерей 150

Полный сборъ при обыкновенныхъ цѣ-нахъ **1000 руб.**

За условіями обращаться въ театръ П. З. А. Тагіева къ В. И. Василь-еву-Вятскому.

№ 3323 1-

„ТЕАТРЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ“

(бывшій Немецки, Офицерская ул., № 39).

Дирекція Е. А. Шабельской.

РЕПЕРТУАРЪ. Съ 20-го по 26-е Ноября 1900 г.

Понедѣльникъ, 20-го Ноября: Спектакля не будетъ. Въ этотъ вечеръ назначена репетиція „ВОЛХВОВЪ“.

Вторникъ, 21-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Среда, 22-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д., В. Протопопова.

Четвергъ, 23-го: Въ 1-й разъ Волхвы. Историческій эпизодъ XVII вѣка въ 5 д. и 6 карт. Передѣланъ изъ ром. Вс. Соловьева „ВОЛХВЫ“.

Пятница, 24-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Суббота, 25-го: Бенефисъ г. Петросіана. Во 2-й разъ: Волхвы. Историческій эпизодъ XVII вѣка въ 5 д. и 6 карт. Передѣланъ изъ ром. Вс. Соловьева „ВОЛХВЫ“.

Воскресенье, 26-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывш. Панаевскій у Дворцоваго моста).

Дирекція А. М. Горинъ-Горайновъ и В. А. Казанскій.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ РЕПЕРТУАРЪ

Съ 19-го Ноября по 26-е Ноября 1900 г.

Ежедневно,

кромѣ 20-го ноябля, спектакли.

НОВАЯ КНИГА:

„СЛУТНИКЪ АРТИСТА“.

(Репертуаръ любимцевъ публики).

Художественный матеріалъ для декламаторовъ, чтецовъ, пѣвцовъ и пр. концертныхъ исполнителей, подъ редакціей извѣстныхъ артистовъ: В. П. Далматова — драмат. стихотворенія для чтецовъ; Е. Н. Гореев — драмат. стих. для чтецъ; Г. В. Гаргановъ — романсы; К. А. Варламовъ — юморист. стих.; С. Н. Лени — рифмованныя шутки; С. А. Пальма — куплеты; Г. Д. Рутковский — шуточныя пѣсни; А. Ф. Макаровъ-Юнень — народные мотивы. Съ портретами и приложеніемъ компетентныхъ указаний „Объ искусствѣ чтенія“.

Продается въ конторѣ ред. „Театръ и Искусство“.

Цѣна 1 руб.

НОВАЯ КНИГА.

„ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА“.

Сам. полный сборн. остроумныхъ куплетовъ. Репертуаръ популярнахъ куплетистовъ: Арсена, Блументаль-Тамарина, Бранскаго, Бураковского, Каменскаго, Леонидова-Гуляева, Пальма, Шевченко и др. Съ портрет. исполнителей подъ редакціей М. В. Лентовскаго и С. А. Пальма.

Ц. 1 рубль.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

Уманскій городской театр

при немъ электр. станція отдается въ аренду. Подробности и условія можно узнать у владѣльца.

Н. Д. Фишмана въ г. Умани Киев. губ.

№ 3326 4—2.

ТЕАТРЪ бывшій КОНОНОВА

Французская оперетта.

Дирекція В. А. Немецки. Мойка, 61. Ежедневныя представленія.

СОСТАВЪ ТРУППЫ:

Въ 1-й разъ въ С.-Петербургъ на гастроли приглашены: примдонны-этуали: Г-жи: ТАРИОЛЬ БОЖЕ, ЖАНЕТТА ПЕТТИ, В. КОССИТЪ. Премьеры: Г-г. РЕНЬЯРЪ, ДОНКАНЪ, СЕМПРЕ. Артисты труппы: г-жи Огюста Пуже, Е. Стемми. К. флери-Пилляръ, Вертей, Астрикъ, Лиля Пенсонъ, Жанна Ламберъ. Модъ Дюрфе, Десмей, Лиши, Люсиенна Оттъ-Жеанинъ, Сюанна Несель и др. Г-г. Пудрие, Монклеръ, Лари, Пакенъ, Фоль, Резенъ, Влакъ, Прагъ, Куртуа, Вейеръ, Дюваль, Фонтенъ и др.

Въ Воскресенье 19-го Ноября: „МИССЪ ЭЛЕТТЪ“, оп. въ 3 д., муз. Одрана. Во Вторникъ 21-го: „КОРНЕВИЛЬСКІЕ КОЛОКОЛА“, оп. въ 3 д., муз. Шанкеть. 1-й вых. г-жа Стемми. Въ Среду 22-го: „28 дней КЛЕРЕТТЫ“, оп. въ 4 д., муз. Рожесъ. Четвергъ 23-го: „28 дней КЛЕРЕТТЫ“, оп. въ 4 д., муз. Рожесъ.

Гл. режиссеръ Г. Монклеръ.

Гл. Капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Ноября 1900 г.

Типографія Сиб. Т-ва „Трудъ“, Фонтанка, 86.

2315 5—2.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„РАБЫНИ ВЕСЕЛЬЯ“

В. Протопопова ц. 2 р., Цепз. экз. 5 руб. извѣстная драма В. САРДУ.

„ФЛОРИЯ ТОСКА“.

Репертуаръ Сары Бернаръ. Переводъ О. Н. Латернера, Литографированное издавіе журнала „Театръ и Искусство“.

Цѣна 2 рубля.

„БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ“.

Драматическія сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ (по роману Ф. М. Достоевскаго)

К. Дмитриева.

Цѣна 2 руб.

Издавіе редакціи журнала „Театръ и Искусство“.

3 выпуска словаря Сценическихъ дѣятелей (А. Б. В.) 1 р. 50 коп.

Высылаются наложеннымъ платежемъ.